

XX

ПЛАЧЕВНАЯ ПОВЕСТЬ
О СМЕРТИ
АРТУРА БЕСКОРЫСТНОГО

XX

КАК СЭР АГРАВЕЙН И СЭР МОРДРЕД
СКЛОНЯЛИ СЭРА ГАВЕЙНА РАЗОБЛА-
ЧИТЬ ЛЮБОВЬ, БЫВШУЮ МЕЖДУ СЭ-
РОМ ЛАНСЕЛОТОМ И КОРОЛЕВОЙ ГВИ-
НЕВЕРОЙ

Chapter
i.

В МАЕ, когда каждое сердце на-
ливается соками и расцветает (ибо
это время года ласкает взгляд и
приятно для чувств, потому мужчи-

ны и женщины радостно приветствуют приход
лета с его новыми цветами, тогда как зима с ее
суровыми ветрами и стужами заставляет весе-
лых мужчин и женщин прятаться по домам и
сидеть у очагов), в тот год в месяце мае случи-
лось великое несчастье и раздор, которые про-
должались до тех пор, пока лучший цвет ры-
царства не был погублен и уничтожен.

И всему этому виною были два злосчастных
рыцаря, сэр Агравейн и сэр Мордред, которые
приходились родными братьями сэру Гавейну.
Ибо эти рыцари — сэр Агравейн и сэр Морд-
ред — издавна питали тайную ненависть к ко-
ролеве Гвиневере и к сэру Ланселоту, и они
денно и ночью следили за сэром Ланселотом.
И однажды случилось, на беду, как раз когда
сэр Гавейн и все его братья были в покоях

короля Артура, что сэр Агравейн сказал открыто, не таясь, но во всеулышание, так:

— Дивлюсь я, как это нам всем не стыдно видеть и знать, что сэр Ланселот всякий день и всякую ночь возлежит с королевой? Все мы про это знаем, и стыд нам и позор терпеть, чтобы столь славный король, как наш король Артур, подвергался такому бесчестью.

Тут ответил ему сэр Гавейн и сказал так:

— Брат мой сэр Агравейн, прошу вас и требую, не говорите больше при мне такое, ибо я не заводю с вами.

— Да поможет нам бог, — сказали сэр Гахерис и сэр Гарет, — и мы тоже не желаем слышать такие речи.

— Зато я заводю с вами! — сказал сэр Мордред.

— Уж этому-то я верю, — сказал сэр Гавейн, — ибо вы, сэр, всегда готовы на любое недоброе дело. Послушали бы вы меня и не затевали ничего, ибо мне хорошо известно, — сказал сэр Гавейн, — чем все это кончится.

— Пусть кончится, как кончится, — отвечал сэр Агравейн, — я все открою королю!

— Мой совет, не делайте этого, — сказал сэр Гавейн, — ведь если из этого получится вражда и раздор между сэрм Ланселотом и нами, знаете, брат мой, что многие короли и владетельные бароны примут сторону сэра Ланселота. И еще, брат мой сэр Агравейн, — сказал сэр Гавейн, — вам должно помнить, сколько раз сэр Ланселот спасал короля и королеву; и из нас лучшие уже давно полегли бы холодными трупами, когда бы сэр Ланселот не выказал себя многократно первым среди всех рыцарей. И что до меня, — молвил сэр Гавейн, — то я никогда не выступил против сэра Ланселота уже за то одно, что он избавил меня от короля Карадоса из Башни Слез¹, убив его и тем спасши мне жизнь. И подобным же образом, братья мои, сэр Агравейн и сэр Мордред, сэр Ланселот и вас избавил, и с вами еще шестьдесят два рыцаря, из заточения у сэра Тарвина². И потому, братья, мне думается, что такие благородные и добрые дела нельзя забывать.

— Как вам угодно, — отвечал сэр Агравейн, — а я больше этого скрывать не намерен.

И как раз при этих его словах вошел король Артур.

— Прошу вас, брат, — сказала сэр Гавейн, — умерьте вашу злобу.

— Ни за что! — сказали сэр Агравейн и сэр Мордред.

— Значит, вы решились? — молвила сэр Гавейн. — Тогда да хранит вас бог, ибо я не желаю об этом ни знать, ни слышать.

— И я тоже, — сказал сэр Гахерис.

— Ни я, — сказал сэр Гарет, — ибо я никогда не скажу худого слова о том, кто посвятил меня в рыцари.

И с тем они трое удалились, предаваясь глубокой печали.

— Увы! — говорили сэр Гавейн и сэр Гарет, — погубло, уничтожено все это королевство, и благородное братство рыцарей Круглого Стола будет рассеяно.

КАК СЭР АГРАВЕЙН ОТКРЫЛ ИХ ЛЮБОВЬ КОРОЛЮ АРТУРУ И КАК КОРОЛЬ АРТУР ДАЛ СОГЛАСИЕ НА ТО, ЧТОБЫ ИХ ЗАХВАТИЛИ. И с тем они удалились, а король Артур стал спрашивать, о чем у них велась речь.

— Мой государь, — отвечал сэр Агравейн, — я вам все скажу, ибо долее скрывать это я не в силах. Я и брат мой сэр Мордред послан против брата нашего сэра Гавейна, сэра Гахериса и против сэра Гарета, а дело, в котором мы не согласны, коротко говоря, вот в чем: все мы знаем, что сэр Ланселот обвиняет вашу королеву, и притом уже давно, и мы, как сыновья сестры вашей, не можем этого более терпеть. И все мы знаем, что вы выше сэра Ланселота, ибо вы — король и вы посвятили его в рыцари, и потому мы утверждаем, что он изменник.

— Если это все так, — сказала король, — то уж конечно он и есть изменник. Но я не намерен затевать такое дело без ясных доказательств, ибо сэр Ланселот — рыцарь бесстрашный, и все знают, что он — лучший рыцарь изю всех нас, и если только он не будет схвачен с поличным, он захочет биться с тем, кто заводит о нем такие речи, а я не знаю рыцаря, которому под силу было бы сразиться с сэрм Ланселотом. И потому, если то, что вы говорите, — правда, пусть он будет схвачен с поличным.

Ибо, как говорит Французская Книга, королю очень не по сердцу были все эти разговоры против сэра Ланселота и королевы; ибо король и сам обо всем догадывался³, но слышать об этом не желал, ибо сэр Ланселот так много сделал для него и для королевы, что король его очень любил.

— Господин мой, — сказала сэр Агравейн, — поезжайте завтра на охоту, и вы увидите, что сэр Ланселот не поедет с вами. А ближе к ночи вам надо будет послать к королеве с известием, что вы не вернетесь ночевать, и чтобы вам прислали ваших поваров. И, жизнью готов поручиться, в эту же ночь мы застанем его с королевой и доставим его вам, живого или мертвого.

— Я согласен, — молвила король. — Только мой совет вам — пригласите с собою надежных товарищей.

— Сэр, — отвечал сэр Агравейн, — мой брат сэр Мордред и я, мы возьмем с собою двенадцать рыцарей Круглого Стола.

— Смотрите, — сказал король, — я предупреждаю вас, вы найдете в нем могучего противника.

— Положитесь на нас! — сказали сэр Агравейн и сэр Мордред.

И вот наутро король Артур уехал охотиться и прислал известить королеву, что пробудет в отъезде всю ночь. И тогда сэр Агравейн и сэр Мордред призывали еще двенадцать рыцарей и тайно спрятались в одном из покоев Карлайского замка. Имена же тех двенадцати рыцарей были: сэр Колгреванс, сэр Мадор де-ла Порте, сэр Гингалли, сэр Мелвот Логрский, сэр Петинас из Винчелси, сэр Гаелрон Галовейский, сэр Мелмон-Горец, сэр Аскамур, сэр Грумморсон, сэр Кроссеаль, сэр Флоренс и сэр Ловель. Вот

эти двенадцать рыцарей были с сэром Агравейном и сэром Мордредом, и все они были из Шотландии, или же из рода сэра Гавейна, или же из добродетелей его брата.

И вот, когда настала ночь, сэр Ланселот сказал сэру Борсу, что пойдет выпиться с королевой.

— Сэр,— отвечал ему сэр Борс,— мой совет вам, не делайте этого нынче ночью.

— Почему же?— спросил сэр Ланселот.

— Потому, сэр, что я всей душой опасуюсь сэра Агравейна, который деню и ночью выслеживает вас, желая обречь позору и вас, и всех нас. И никогда еще сердце не подкашивало так ясно, что вам не следует идти к королеве, как нынче, ибо я не верю, что король в самом деле не почувет нынче у королевы, может быть он устроил засаду против вас и королевы Гвиневеры. И потому я очень страшусь предательства.

— Не страшитесь понапрасну,— сказал сэр Ланселот,— ибо увидите, я схожу к королеве и возвращусь без промедления.

— Сэр,— сказал сэр Борс,— мне прискорбно это слышать, ибо боюсь, как бы это ваше намерение не погубило нас всех.

— Любезный племянник,— отвечал сэр Ланселот,— я дивлюсь, что вы так говорите, ведь королева посылала за мной. И знайте, я никогда не буду таким трусом, чтобы королева могла усомниться в моей готовности ее видеть.

— Да хранит вас господь,— сказал сэр Борс,— и да возвратит он вас назад целым и невредимым!

КАК СЭРА ЛАНСЕЛОТА ВЫСЛЕДИЛИ ДО КОРОЛЕВИНОЙ ОПОЧИВАЛЬНИ, И КАК СЭР АГРАВЕЙНИ СЭР МОРДРЕД ЯВИЛИСЬ ТУДА С ДВЕНАДЦАТЬЮ РЫЦАРЯМИ, ДАБЫ УБИТЬ СЭРА ЛАНСЕЛОТА ✠ И сэр Ланселот с ним протиснулся, спрятав под мышкой меч свой и вышел вон, закутавшись плащом, и обрек себя благороднейший рыцарь великой опасности. Он пришел к покоям королевы и был сразу же впу-щен к ней.

Ибо, как повествует Французская Книга, королева и сэр Ланселот провели ту ночь вместе. Но возлежали ли они вместе на ложе или же предавались иным усядам, об этом говорить мне нет охоты, ибо любовь в те времена была не такой, как в наши дни. Но пока они пребывали там вдвоем, сэр Агравейн и сэр Мордред с двенадцатью рыцарями Круглого Стола подкрались к их двери и крикнули громкими грозными голосами:

Ага, изменник сэр Ланселот, теперь ты попался!
И они кричали столь громкими голосами, что по всему замку было слышно.

И все они четырнадцать рыцарей были в полном вооружении, словно сейчас собрался на бой.

— Увы!— сказала королева Гвиневера,— теперь мы оба погибли!

— Госпожа,— спросил сэр Ланселот,— не найдется ли здесь, в ваших покоях, каких-нибудь доспехов, чтобы мне прикрыть мое тело? Если найдется, то дайте мне их скорее, и я, милостью божий, быстро умерю их злобу.

— Воистину,— сказала королева,— здесь нет ни лат, ни щема, ни щита, ни меча, ни копья, и потому боюсь, наша давняя любовь пришла к печальному концу. Ибо по их крикам я слышу, что там много доблестных рыцарей, и уж конечно они во всеоружии, вам же не с чем им противостоять. И потому вас наверное убьют, меня же потом сожгут на костре! А вот если бы вы могли спастись от них бегством,— сказала королева,— я не сомневаюсь, что тогда вы бы защитили меня, какая бы беда мне ни угрожала.

— Увы!— сказал сэр Ланселот,— за всю мою жизнь со мной не случалось такого, чтобы мне вот так принять позорную смерть из-за того, что я безоружен.

А сэр Агравейн и сэр Мордред все продолжали кричать:

— Рыцарь-изменик! Выходи из опочивальни королевы! Ибо знай, нас тут против тебя столько, что тебе от нас не уйти!

— Ах, милосердный Иисусе!— воскликнула сэр Ланселот,— эти оскорбительные крики и вопли я не в силах более слышать, и лучше уж погибнуть сразу, нежели долее терпеть такое мучение.

И с тем он заключил королеву в объятия, поцеловал ее и сказал так:

— О, благороднейшая из христианских королей! Молю вас, как есть вы и всегда были мой прекраснейшая и возлюбленная дама, а я— ваш бедный рыцарь, верный вам, по мере сил моих, и как я ни разу не оставил вас в беде, ни правую, ни виноватую, с самого того первого дня, когда король Артур посвятил меня в рыцари,— заклинаю вас, молитесь за мою душу, если я буду убит. Ибо я твердо знаю, что сэр Борс, мой племянник, и все остальные рыцари из моего рода, а также и сэр Лавейн и сэр Уррий,— они все не оставят вас и непременно спасут от костра. И потому, возлюбленная госпожа моя, утешьтесь: что бы ни стало со мною, вы уезжайте с сэром Борсом, моим племянником, и все мои родичи, по мере сил своих, будут во всем исполнять вашу волю, и вы сможете жить королевой на моих землях.

— Нет, сэр Ланселот, ни за что!— отвечала королева.— Знай, что после тебя я долго не проживу. И если тебя убьют, я приму смерть мою столь же кротко, как святой мученик принимает смерть во славу Иисуса Христа.

— Что же, госпожа моя,— молвила сэр Ланселот,— раз настал день нашей разлуки, знайте, что я продам свою жизнь так дорого, как только смогу. Но в тысячу раз горше,— сказала сэр Ланселот,— я скорблю о вас, нежели о себе! И сейчас, чем быть мне владыкой всего христианского мира, я предпочел бы иметь надежные доспехи, чтобы люди еще рассказывали о моих подвигах прежде, чем мне умереть.

— Воистину,— отвечала ему королева,— будь на то милость божья, я бы предпочла, чтобы они схватили и убили меня, а вам бы зато спастись.

— Этому не бывать никогда,— сказал сэр Ланселот.— Упаси меня бог от такого позора! И пребуду, о Иисусе Христе, щитом моим и панцирем!

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УБИЛ СЭРА КОЛГРЕВАНСА, ОБЛАЧИЛСЯ В ЕГО ДОСПЕХИ И ЗАТЕМ УБИЛ СЭРА АГРАВЕЙНА И ЕГО ДВЕНАДЦАТЬ ТОВАРИЩЕЙ ♣
И с тем обернул сэр Ланселот плащ своей плотью и крепко вокруг своей руки; между тем снаружи к дверям подтащан из зала большую скамью и с нею приготовились набежать на двери.

— Вот что, любезные лорды,— сказал сэр Ланселот,— не шумите так и не высаживайте двери, ибо я сейчас ее отопру, и тогда вы сможете сделать со мною, что пожелаете.

— Давай же,— отвечали они,— отпирай дверь, ибо сражаться тебе против всех нас нечего и пытаться! И потому впусти нас, и мы сохраним тебе жизнь, дабы ты предстал пред королем Артуром.

Тут сэр Ланселот отодвинул дверные засовы, левой рукой приоткрыл нешироко дверь, так что лишь по одному можно было пройти. И шагнул первым в дверь добрый рыцарь по имени Колгреванс Гоорский, могучий и грозный муж. Ударил он сэра Ланселота мечом, но сэра Ланселот отбил его могучий удар и сам с такою силой обрушил меч своей ему на голову, что тот ничком повалился мертвый прямо в спальню королевы.

Тот же час заперли дверь и сэр Ланселот с помощью королевы и ее дам быстро облачился в доспехи сэра Колгреванса. А сэр Агравейн с лордом Мордредом все стояли за дверью и кричали:

— Рыцарь-изменник! Выходи из королевской опочивальни!

— Сэры, не кричите понапрасну,— отозвался им сэр Ланселот,— ибо знаете, сэр Агравейн, что на этот раз вам меня не взять! А потому мой совет вам, ступайте же прочь от дверей этого покоя и не занимайтесь больше доносами и наветами. Ибо, клянусь моею рыцарской честью, если вы разойдетесь и перестанете шуметь, я завтра предстану перед королем и перед вами, и тогда посмотрим, который из вас — нан может быть вы все вместе — осмелитесь завтра обвинить меня в измене. И тогда я отвечу вам так, как надлежит рыцарю, и докажу, что я пришел сюда к королеве не со злым умыслом, и сумею подтвердить это моею рукою.

— Позор тебе, предатель! — отвечали сэр Агравейн и сэр Мордред. — Мы все равно захватим тебя, желаемы ты того или нет, и мы убьем тебя, если захотим! Ибо знаю, что мы от короля Артура получим право выбора: убить тебя или оставить в живых.

— Ах так! — молвила сэр Ланселот. — Тогда защищайтесь, злостачиние! И тут сэр Ланселот распахнул двери и могучей рыцарской поступью вышел им всем навстречу. С первого же удара он убил сэра Агравейна и обратился против его двенадцати товарищей. И в короткий срок он уложил их всех замертво, ибо ни один из тех двенадцати рыцарей не в силах был выдержать Ланселотова удара. А сэра Мордреда он ранил, и тот с поспешностью обратился в бегство.

После этого сэр Ланселот возвратился к королеве и сказал ей так: — Госпожа, вы сами видите, что всей нашей верной любви пришел конец, ибо отныне король Артур будет мне врагом. И потому, госпожа моя, если только вы пожелаете последовать за мною, я избавлю вас от всех бед и опасностей.

— Сэр, мне думается,— отвечала королева,— что это было бы неправильно, ибо столько бед уже здесь свершилось, что вам лучше теперь на время остаться в стороне. Если же завтра вы узнаете, что меня решено казнить, тогда вы меня спасете.

— Я согласен,— отвечал сэр Ланселот,— ибо не сомневайтесь, пока я жив, я вас в беде не оставляю.

И с тем он ее поцеловал, и они обменялись кольцами, и он оставил королеву и возвратился к себе.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИШЕЛ К СЭРУ БОРСУ И РАССКАЗАЛ ЕМУ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО, И КАК ВСЕ БЫЛО, И ЧЕМ ВСЕ КОНЧИЛОСЬ ♣ Когда сэр Борс увидел сэра Ланселота, он так обрадовался его возвращению, как не радовался никогда прежде.

— Иисусе милосердный! — воскликнула сэр Ланселот. — Что это значит? Что за причина вам всем встречать меня во всеоружии?

— Сэр,— отвечал сэр Борс,— когда вы ушли, всем нам, вашим родичам и доброжелателям, приснились такие тревожные сны, что иные из нас повскакивали нагие из постелей, другие со сна хватались за мечи. И потому,— сказала

сэр Борс,— мы решили, что начинается война и что мы попали в предательскую ловушку; потому-то мы и поспешили приготовиться к бою, на случай если вам угрожает опасность и нужна наша подмога.

— Мой любезный племянник,— сказал сэр Ланселот сэру Борсу,— знаете же, что в эту ночь мне угрожала такая опасность, какой я не видел еще за всю мою жизнь. Но благодарение богу, я сам ее избегнул и спасся от них. И он повелал им, как и что с ним было, как вы уже слышали выше.

— И потому, друзья мои,— сказал им сэр Ланселот,— прошу вас, восприняте духом и поддержите меня, когда мне будет в том нужда, ибо отныне к нам пришла война.

— Сэр,— отвечал ему сэр Борс,— что ни пошлет нам господь, мы все встретим с радостной душою. И как приняли мы при вас много добра и чести, так же готовы мы принять при вас и беду, как приняли благо.

И сказали они, все добрые рыцари:

— Не сокрушайтесь сердцем, сэр! Ибо нет таких рыцарей на свете, которым мы не сумеем нанести урон не меньший, чем они нам. Не падайте же духом, мы соберем всех, кого мы любим и кто любит нас, и всё, что поведале вы, будет исполнено. И потому будем принимать горести заодно с радостями.

— Грамерси,— отвечал им сэр Ланселот,— за вашу добрую поддержку, ибо в моей тяжкой беде, любезный племянник, вы очень поддержали меня. И вот что, любезный племянник, я поручаю вам сделать со всею возможной поспешностью, прежде чем пройдет этот день: навестите тех, кто здесь находится при короле, и разузнайте, кто примет мою сторону, а кто нет. Ибо теперь настало мне время знать, кто мне друг и кто враг.

— Сэр,— сказала сэр Борс,— и приложу все мои старания, и еще до семи часов вы будете знать наверное про тех, в ком вы сомневались, на чью сторону они встанут.

И призвал к себе сэр Борс сара Лионеля, сара Эктора Окраинного, сара Блемура Ганского, сара Блеобериса Ганского, сара Гахалантина, сара Галдохина, сара Галихуда, сара Менадука, сара Вилара Доблестного, сара Эба Достославного, сара Лавейна, сара Уррия Унгарского, сара Неровенса, сара Пленориуса (ибо они двое были теми самыми рыцарями, которых сэр Ланселот победил на мосту, и потому они ни в чем не выступали против него), сара Харри Фиц-Лейка и сара Селаса из Башни Слез, сара Меланса Островного и сара Белингера Жестокого, что был сыном Александра-Сироты, а так как его мать была из Ланселотова рода, то и он держал его сторону.

И прибыли также сэр Паломид и сэр Сафир, его брат; сэр Клегис, сэр Садук, сэр Динас и сэр Клаарус Клермонтский.

Собрались эти двадцать четыре рыцаря верхами и в полных доспехах, и они дали обещание сару Ланселоту исполнять его волю. И еще пристади к ним, кто там был из Северного Уэльса и Корнуолла, ради памяти сара Ламорака и сара Тристрама, всего числом в сто сорок рыцарей. И молвил им сэр Ланселот:

— Знайте все вы, что я с первого дня, как появился здесь при дворе, по мере сил моих, стремилась сохранять дружеское расположение господина моего Артура и госпожи моей королевы Гвиневеры. Но нынешней ночью королева призывала меня к себе, как я полагаю, по предательскому наущению, однако я ото всей души ее извиняю, хотя я у нее едва не погиб, когда бы господь бог не вступился за меня.

И тут благородный рыцарь сэр Ланселот поведал им обо всем, как его пытались схватить, четырнадцать на одного, в королевских покоях и каким образом удалось ему спастись и уйти живым.

— И потому знайте, любезные лорды, я вижу, что мне и тем, кто за меня, теперь войны не избежать. Нынешней ночью я убил сара Агравейна, Гавейнова брата, и еще не менее двенадцати его товарищей, и по этой причине я обречен теперь на смертную вражду. Ибо эти рыцари были посланы королем Артуром, чтобы предательски меня схватить, и теперь король в ярости и злобе присудит королеву к сожжению на костре, я же никогда не потерплю, чтобы королеву сожгли из-за меня. Если только меня согласится выслушать и принять, тогда я буду сражаться за королеву и сумею доказать, что она — верная супруга своему государю. Но боюсь, король в пылу гнева не пожелает выслушать меня и дать мне право сражаться за королеву.

О СОВЕТЕ, КОТОРЫЙ ДЕРЖАЛ СЭР ЛАНСЕЛОТ СО СВОИМИ СТОРОННИКАМИ ПРО ТО, КАК СПАСТИ КОРОЛЕВУ

ВУ — Господин мой сэр Ланселот,— сказала сэр Борс,— мой совет вам: примите зло вместе с добром. И раз уж так все случилось, мой совет вам собраться с силами и защищаться, ведь если вы решитесь выступить, то и целая рыцарская дружина не сможет причинить вам зла. И еще мой совет вам, господин мой, если госпожа моя королева Гвиневера попадет в беду и пострадает из-за вас, спасите ее, как подобает рыцарю: ведь если вы этого не сделаете, весь мир будет говорить о вашем позоре до скончания века. Раз уж вас заставил у нее, то, правды ли вы или виноваты, ваш долг теперь — не оставлять королеву и уберечь ее от оскорблений и от позорной смерти. Ибо, если она умрет этой страшной смертью,

вечный позор падет на вас.

— Упаси Иисусе меня от позора,— отвечал сэр Ланселот,— и защити и сбереги госпожу мою королеву от злобы и от постыдной смерти! А уж я не дам ей погибнуть!

Итак, мои любезные лорды, родичи мои и други,— спросил сэр Ланселот,— как вы решались поступить?

И ответили они ему разом, в один голос:

— Сэр, мы будем стоять за вас.

— Тогда скажите мне,— спросил сэр Ланселот,— если завтра господин мой король Артур по злому наущению и в пылу гнева своего отправит госпожу мою королеву на костер и обречет на сожжение, тогда прошу у вас совета, как мне наилучшим образом поступить?

И ответили они ему все разом, в один голос:

— Сэр, нам думается, всего лучше, чтобы вы спасли королеву, как подобает рыцарю. Ведь если ее обрекут сожжению, то из-за вас; и надо думать, захватят они вас, и вам была бы уготована такая же смерть, а то и постыднее. И мы все знаем, сэр, что вы уже много раз спасали королеву от беды, которую навлекали на нее другие люди; и потому нам думается, что тем более честь ваша требует опастн ее теперь от атой беды, в которую она пала из-за вас.

Тогда встал Ланселот и сказала так:

— Любезные лорды, знайте, что я ни за что не желала бы поступить так, чтобы навлечь позор на себя или на род свой: знайте также, что я ни за что не желала бы, чтобы госпожа моя королева приняла столь позорную смерть. Но если уж вы советуете мне спасти ее, мне придется много бед причинить в эдешних краях, прежде чем она будет спасена, и кто знает, возможно, от моей руки падут иные из дорогих мне друзей, и это мне будет весьма прискорбно. И возможно, среди них есть также, кто не медля стал бы на мою сторону если бы только мог и осмелелся послушаться господина моего коро-

ля Артура. И этих мне тоже не хотелось бы губить. А если мне все же удастся обить у них королеву, где мне поместить ее?

— Сэр, об этом нам всего менее должно заботиться, — отвечал сэр Борс, — ибо как поступил благороднейший рыцарь сэр Тристам? Разве не по вашей доброй воле проведя он вместе с Прекрасной Изольдой без малого три года в замке Веселой Стражи, послушавшись вашего совета? Замок же этот принадлежит вам, и вы тоже, если хотите, можете поступить так: по-рыцарски увезти королеву, если дело обернется так, что король приговорит ее к сожжению. В замке Веселой Стражи она может пробыть с вами столько времени, сколько понадобится, чтобы прошел гнев короля Артура, и тогда вы с честью возвратите ему королеву, и, быть может, заслужите благодарности и признательности короля, вместо вражды и злобы.

— Это все сделать непростое, — сказал сэр Ланселот, — ибо пример сэра Тристама служит мне предостережением: ведь сами посмотрите, что получилось под конец, когда сэр Тристам по мирному согласию доставил Изольду Прекрасную из замка Веселой Стражи обратно королю Марку? Как предательски заколол его этот коварный изменник король Марк, когда он сидел у ног госпожи своей Изольды Прекрасной и играл на арфе! Навстречным бердышом он произил его сзади до самого сердца, и мне весьма прискорбно — сказал сэр Ланселот, — говорить о его смерти, ибо во всем мире не смыкать второго такого рыцаря.

— Все это правда, — сказал сэр Борс, — но есть одно, что должно внушить смелость и вам и всем нам: ведь все знают, что король Артур никогда не походил на короля Марка своими обычаями, и не было еще на свете человека, который мог бы уличить короля Артура в том, что он неверен своему слову.

И вот, говоря коротко, они все, на горе ли, на счастье, согласились на том, что если завтра королеву повежут на костер, то будь что будет, но они все вместе ее отобьют. И по замыслу сэра Ланселота они как смогли попятались в лесу близ Карлайла и там, пританчившись, дожидаясь решения короля.

КАК СЭР МОРДРЕД ВТОРОПЯХ ПОСКАКАЛ К КОРОЛЮ, ДАБЫ ПОВЕДАТЬ ЕМУ О ТОЙ СТЫЧКЕ И О ГИБЕЛИ СЭРА АГРАВЕИНА И ОСТАЛЬНЫХ РЫЦАРЕЙ ✿ А теперь мы обратимся к сэру Мордреду, который, спасшись от меча сэра Ланселота, вскочил на коня и прискакал к королю Артуру, жестоко пораненный и весь залитый кровью. И поведал он королю о том, как все это было, и что все остальные убиты, кроме лишь его одного.

— О, милостивый Иисусе! Возможно ли это? — воскликнул король.

— И вы застали его в спальне королевы?

— Именно так, да поможет мне бог, — отвечал сэр Мордред. — Мы застали его там непо-

оруженным, но он убил сэра Коагрванса и облачился в его доспехи.

И он рассказал королю все от самого начала и до конца.

— Господи спаси! — воскликнул король. — Он рыцарь чудесной доблести! Увы, — сказал король, — мне весьма прискорбно, что сэр Ланселот оказался моим противником, ибо теперь я знаю, благородное братство рыцарей Круглого Стола распадется навеки, ведь много благородные рыцари примут его сторону. И теперь все обернулось так, — сказал король, — что честь требует от меня, чтобы моя королева была предана смерти, — так сказал король с сердечным волнением.

И в страшном гневном наказе он повеление судить королеву, и предстояло ей быть осужденной на смерть. Ибо в те дни закон был таков, что кто бы ни был человек, высокого ли звания и положения, или же низкого, но если он окажется по повинен в измене, то ничего ему не остается, кроме смерти, и если он захвачен с поличным или же есть еще другие обстоятельства, то тем лишь ускорится суд и расправа. Так было и с королевой Гвиневрой: жестокая рана сэра Мордред и гибель тринадцати рыцарей Круглого Стола, — эти причины и обстоятельства побудили короля Артура незамедлительно приговорить королеву к сожжению и отправить ее на костер.

Но тут заговорила сэр Гавейн и сказал так:

— Господин мой Артур, мой совет вам не спешить так, лучше бы вам отложить этот суд над госпожой моей королевой, к чему есть много причин. Одна причина в том, что хоть сэр Ланселот и был застигнут в королевской спальне, но ведь, может статься, он явился туда не со злыми целями. Ведь вы знаете, господин мой, — сказал сэр Гавейн, — что госпожа моя королева многим обязана сэру Ланселоту, гораздо более, нежели какому-либо еще рыцарю; ибо не раз он спасал ей жизнь и бился за нее в поединках, когда все другие при дворе отказывали королеве в защите. И кто знает, быть может, королева призвала его по доброте, а не для зла, дабы вознаградить его за его прежние пред нею заслуги. Быть может, госпожа моя королева послала за ним ночью для того, чтобы сэр Ланселот мог прийти к ней тайно, ибо она полагала, что таким путем всего легче избегнуть пересудов и наветов; ведь нередко мы делаем такое, что представляется нам к лучшему, а при случае может обернуться злом. И я полагаю, — сказал сэр Гавейн, — что госпожа моя королева сохраняет вам верность и любовь. А что до сэра Ланселота, то могу поручиться, он с оружием в руках отстоит честь свою против любого рыцаря, который осмелится обвинить его и оскорбить; и подобный же образом отстоит он и честь госпожи моей королевы.

— Этому я готов поверить, — сказал король Артур, — но больше я сэру Ланселоту этого не позволяю, ибо он слишком уж доверяет рукам своим и своей силе и не боится никого на свете. И потому он уже более никогда не выступит в поединке за мою королеву, ибо с ней будет поступлено по закону. И если я доберусь до сэра Ланселота, то знайте, что и он примет столь же позорную смерть.

— Упаси меня Иисусе, — сказал сэр Гавейн, — узнать такое или увидеть —

Отчего говорить вы так? — спросил король Артур. — Ведь, клянусь богом, вам нет причины любить его! Ибо минувшей ночью он убил вашего брата сэра Агравейна, благороднейшего рыцаря, и едва не убил второго

вашего брата — сэра Мордреда, и всего он убил в ту ночь тринадцать благородных рыцарей. Помните также, сэр Гавейн, что среди них он убил двоих ваших сыновей, сэра Флоренса и сэра Ловеля.

— Мой господин, — отвечал сэр Гавейн, — обо всем этом я и вешев и об их смерти горько сожалею. Но поскольку я их предупреждал и наперед сказал брату моему и моим сыновьям, чем все это кончится, и поскольку они не пожелали послушать моего совета, я устранился, не буду искать и мести за их гибель; ведь я говорил им, что вражда с сэром Ланселотом не принесет добра. Как бы я ни печалась о смерти моего брата и дух моих сыновей, все же это они сами повинны в своей смерти, ибо много раз предостерегал я брата моего сэра Агравейна от грозящих ему бед.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СО СВОИМИ СОРОДЧИКАМИ СПАСЛИ КОРОЛЕВУ ОТ КОСТРА, И КАК ОН ЗАРУБИЛ ПРИ ЭТОМ МНОГИХ РЫЦАРЕЙ ♣ Тогда сказал король Артур сэру Гавейну: — Собирайтесь, прошу нас, вместе с братьями вашими сэром Гахерисом и сэром Гаретом, облачитесь в лучшие ваши доспехи и отвезите мою королеву на костер.

— О нет, благороднейший мой король, — отвечал сэр Гавейн, — этого я не сделаю, ибо знайте, меня не будет там, где столь благородная дама, как госпожа моя королева Гвиневра, должна будет принять такую позорную смерть. Ибо да будет вам ведомо, — молвила сэр Гавейн, — сердце мое не вынесет подобного зрелища, и никто никогда не скажет про меня, что я была в этом согласен с вами.

— Тогда, — сказала королю сэру Гавейну, — дозволяйте братьям вашим, сэру Гахерису и сэру Гарету, присутствовать при казни.

— Мой господин, — отвечал сэр Гавейн, — знайте, что они бы с радостью уклонились от вашего поручения, ибо от этого последует еще немало бед, но они молоды и не могут ослушаться вас.

И сказали сэр Гахерис и сэр Гарет королю Артуру:

— Сэр, вы в праве, конечно, послать нас, но знайте, что это будет против нашей воли. И если мы и будем присутствовать там по прямому вашему велению, то в одном вам все равно придется нас извинить: мы явимся туда мирно, без доспехов и не при оружии.

— Во имя господа, — молвила король, — собирайтесь в путь, ибо суд над нею будет скорый.

— Увы! — сказал сэр Гавейн. — Зачем дожня я до этого скорбного дня. И с тем отвернулся сэр Гавейн и, горько заплакав, удалился в свои покои. И вот вывелась королеву за стены Карлайла, вот уже сорвали с нее одежду и подвели к ней ее духовного отца, дабы она покалывалась в своих прегрешениях. И поднялась тут среди лордов и дам плач и вой и ломание рук; но мало кто являлся туда в гербах и доспехах торжествовать смерть королевы.

Но был среди них посланный от сэра Ланселота, которому поручено было следить, когда начнется казнь. И вот, видя, что с королевем сорвали дорожные одежды и что она уже покалывалась перед смертью, он дал сэру Ланселоту условный сигнал. Пришпорили они коней, погнав во весь опор и подскочили прямо к костру. А кто противился им, те все пали убитыми, ибо никто не мог выстоять против сэра Ланселота.

Так были убиты там все, кто с оружием в руках пытался их задержать, и полегало немало благородных рыцарей: сэр Белнаис Надменный, сэр Севарид, сэр Гриффет, сэр Брандель, сэр Агдоваль, сэр Тор; сэр Гаутер, сэр Гиамер и сэр Рейноваль — три брата; сэр Дамас, сэр Приам, сэр Кай-Чужестранец, сэр Дриант, сэр Ламбеугс, сэр Хермин и сэр Пертоалип с сэром Перимоном, два брата, которых называли Зеленый Рыцарь и Красный Рыцарь. Но в схватке и толчее, устремляясь туда, сэр Ланселот, на беду, убил, не разобрав, сэра Гахериса и сэра Гарета, двух благородных рыцарей, безоружных и не ожидавших худого. Как повествует Французская Книга, сэр Ланселот рассек сэру Гахерису и сэру Гарету головы, и оттого они пали мертвыми прямо на поле. Но истина в том, что сэр Ланселот их не заметил. И только потом их нашли мертвыми в самой гуще сражения. После того сэр Ланселот, порубив и обратив в бегство всех, кто пытался ему противостать, подскочил прямо к королеве Гвиневере. Он набросал на нее платье и плащ, усидя ее позади себя на коня и сказала ей, чтобы она воспрянула духом. И знайте, что уж конечно королева была рада избавиться от неминуемой смерти, и она возблагодарила господа и сэра Ланселота. И ускакал он с королевой, как повествует Французская Книга, в замок Веселой Стражи, и там содержал он ее так, как подобает благородному рыцарю. И многие короли и бароны послали к сэру Ланселоту своих рыцарей, и многие благородные рыцари сами пристали к сэру Ланселоту. И услышав о распри между королем Артуром и сэром Ланселотом, иные рыцари радовались, иные же горько печалались их вражде.

О ТОМ, КАК ГОРЕВАЛ И ОПЛАКИВАЛ КОРОЛЬ АРТУР СМЕРТЬ СВОИХ ПЛЕЧМЯННИКОВ И ДРУГИХ ДОБРЫХ РЫЦАРЕЙ, А ТАКЖЕ И КОРОЛЕВУ, СВОЮ СУПРУГУ ♣ Теперь же мы вновь обращаемся к королю Артуру, — а он, когда ему сообщили о том, как и при каких обстоятельствах была похищена от костра королева, и когда он услышал о гибели многих своих благородных рыцарей, в особенности же о смерти сэра Гахериса и сэра Гарета, то он от великой жалости и печали лишился чувств. Когда же он очнулся, то сказал так:

— Увы! Зачем только ношу я корону на голове моей? Ибо вот теперь я утратил прекраснейшую рыцарскую дружину, какую когда-либо содержал христианский король. Увы, мой доб-

рые рыцари пали убитыми или покинули меня, и я за прошедшие два дня лишился без малого сорока рыцарей, не считая сэра Ланселота и его сородичей, ибо отныне честь моя мне не дозволяет быть с ними в мире! Увы, увы! зачем только началась эта распря! — Однако, любезные други, — сказал король, — я повелеваю, пусть никто не говорит сэру Гавейну о гибели его братьев, ибо я знаю, — сказал король, — что когда он услышит о том, что умер сэр Гарет, он почти что лишится рассудка. Боже милостивый, — сказала королева, — почему же он убил сэра Гахериса и сэра Гарета? Ибо что до сэра Гарета, то ведь, ручаясь, он любил сэра Ланселота более всех людей на свете.

— Это правда, — отвечали иные из рыцарей, — но они были убиты в общей схватке, когда сэр Ланселот разил, не разбирая, в самой гуще сражения. На них не было доспехов, и он поразил их, не ведая, кого убивает, и так, по несчастью, были они убиты.

— Ну, — сказала королева Артур, — их гибель вызовет величайшую смертельную войну, какая была на земле, ибо я уверен, что когда сэр Гавейн узнает о том, что сэр Гарет убит, я не буду знать от него покоя до тех пор, пока не уничтожу весь род сэра Ланселота и его самого, или же он уничтожит меня. И потому, — сказала королева, — знайте, что никогда еще сердце мое не сокрушалось так, как ныне. И я гораздо более скорблю о потере моих добрых рыцарей, нежели об утрате моей любезной королевы; ибо королев я всегда смогу найти довольно, а такую дружину добрых рыцарей не собрать больше никогда на свете. И могу сказать, — молвила королева Артур, — ни у одного христианского короля не было еще такой дружины. И вот, увы! теперь между сэром Ланселотом и мною вражда! Ах, Агравейн, Агравейн, — молвила королева, — Христос да поминует твою душу, ибо ненависть, которую ты и сэр Мордред, брат твой, питали к сэру Ланселоту, породила все эти беды.

И плакала королева, повторяя свои жалобы, и лишилась чувств. Но к сэру Гавейну явился один человек и поведал ему о том, что королева похищена сэром Ланселотом и без малого двадцать четыре рыцаря пали убитыми.

— Ах господа, помилуй и храни моих двух братьев! — воскликнула сэр Гавейн. — Ведь я так и знал, — сказала сэр Гавейн, — что сэр Ланселот явится к ней на помощь и спасет ее либо погибнет на поле боя. И правду сказать, он не достоин был бы рыцарской славы, если бы не спас королеву, ведь это из-за него обрекли ее на костер. Так что сэр Ланселот, — сказала сэр Гавейн, — поступил по-рыцарски, так же и я поступила бы, окажись я на его месте. Но где же мои братья? — спросил сэр Гавейн. — Мне странно, что я их не вижу.

И тогда тот человек ему сказал:

- Сэр Гахерис и сэр Гарет убиты.
- Боже упаси! — молвила сэр Гавейн. — За весь этот мир я не согласна с тем, чтобы они были убиты, в особенности же мой добрый брат сэр Гарет.
- Сэр, — сказала тот, — он убит, и это весьма прискорбно.
- Кто же убил его? — спросил сэр Гавейн.
- Сэр Ланселот, — тот отвечал, — убил их обоих.

— Этому я не могу верить, — сказал сэр Гавейн, — не мог он убить моего доброго брата сэра Гарета, ибо ручаясь, мой брат любил его более, нежели меня или всех остальных наших братьев, или даже короля. И также я знаю, что, пожелай сэр Ланселот призвать моего брата сэра Гарета на свою сторону, он бы сразу же к нему примкнул против короля и против всех нас. И потому я никогда не поверю, что сэр Ланселот мог убить моих братьев.

— Воистину, сэр, — молвила тот человек, — все говорят, что это он убил его. — Увы! — воскликнула сэр Гавейн, — не видать мне больше радости на свете!

КАК КОРОЛЬ АРТУР ПО ТРЕБОВАНИЮ СЭРА ГАВЕЙНА РЕШИЛСЯ ИДТИ ВОЙНОЮ НА СЭРА ЛАНСЕЛОТА И ОБЛОЖИЛ ЕГО ЗАМОК ПОД НАЗВАНИЕМ ВЕСЕЛАЯ СТРАЖА. И с тем он упал и лишился чувств и долго так пролежал, словно мертвый. А когда он очнулся от своего обморока, то вскричал горестно: «Увы мне!» — и побежал к королю, рыдая и плача, и сказал ему так:

— О, дядя мой, король Артур! Мой добрый брат сэр Гарет убит, убит и другой мой брат, сэр Гахерис, оба добрые рыцари. Тут заплакал король, и он вместе с ним, и оба они упали без памяти. Когда же их привели в чувство, то заговорил сэр Гавейн и сказал:

— Сэр, я желаю увидеть тело моего брата Гарета.

— Сэр, вы не сможете увидеть его, — отвечал король, — ибо я повелею предать его земле, и сэра Гахериса тоже, ибо я ведь знаю, что вы будете убиваться сверх меры, и вид сэра Гарета удвоит ваше горе.

— Увы, господа мои, — молвила сэр Гавейн, — как случилось, что он убил моего брата сэра Гарета? Прошу вас, расскажите мне.

— Воистину, — отвечал король, — скажу вам, как сказано мне: сэр Ланселот зарубил и его, и сэра Гахериса.

— Увы, — сказала сэр Гавейн, — ведь они оба были безоружны против него!

— Я не знаю, как это было, — сказал король, — но рассказывают, что он убил их в гуще битвы, не узнав ни того, ни другого. И потому давайте измыслим способ, как нам отомстить за их гибель.

— Мой король, мой господин и мой родной дядя, — сказала сэр Гавейн, — знайте же, иные я даю вам слово, которое подкреплю всей моей рыцарской честью: отныне и впредь я неотступно буду преследовать сэра Ланселота, пока один из нас двоих не будет убит. И потому прошу вас, мой господин и король, готовьтесь к войне, ибо знайте, я не успокоюсь, пока не отомщу сэру Ланселоту; и если вы дорожите моей любовью и моей службой, то поспешайте и созовите ваших друзей. Ибо клянуся богом, — сказала сэр Гавейн, — в отместку за смерть брата моего сэра Гарета я семь царств обыщу, а сэра Ланселота найду, и либо я его убью, либо же он убьет меня.

— Сэр, вам не придется искать его так далеко, — сказал король, — ибо, как и слышал, сэр Ланселот подиждет меня и всех нас в своем замке Ве-

селей Страни. И люди говорят, что туда к нему стекается немало людей.— В это я легко поверю,— отвечал сэр Гавейн.— Однако, господин мой,— сказал он,— собирайте ваших друзей, а я соберу монахов.

— Так и будет сделано,— молвила королева,— и думается, у меня достанет сил и мощи выбить его из крепчайшей башни его замка.

И разошла королева письма и бумаги вдоль и поперек по всей Английской земле, призывая к себе всех своих рыцарей. И съехались к королю Артуру многие рыцари, герцоги и графы, так что собралось у него большое войско. И когда они все съехались, король поведал им о том, как сэр Ланселот похитил у него королеву.

И приготовился король со всем его войском обложить сэра Ланселота в его замке Веелой Страни.

Сэр Ланселот о том прослышав и тоже призвал к себе многих добрых рыцарей, ибо немало рыцарей держали его сторону — одни ради него самого, другие из-за королевы. И вот оснащены были обе стороны всем, что ни на есть потребного для ведения войны. Но войско короля Артура было столь велико, что войско сэра Ланселота не могло встретиться с ним на поле. И сам сэр Ланселот не хотел сражаться против короля. Он удалился в свой крепкий замок, запасшись в изобилии всем нужным провантаном и взяв с собою столько доблестных мужей, скольких возможно было расположить внутри замка и в городских стенах.

И вот подошел король Артур и сэр Гавейн с огромным войском и обложили со всех сторон стены Веелой Страни — и город и замок. И было там между ними немало жестоких схваток, но сэр Ланселот не выезжал надологу за крепостные стены и никому из своих добрых рыцарей не позволял делать вылазки ни из города, ни из замка; и так продолжалось целых пятнадцать недель.

О СООБЩЕНИИ МЕЖДУ КОРОЛЕМ АРТУРОМ И СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ, И КАК КОРОЛЬ АРТУР УКОРЯЛ ЕГО

Но вот в один прекрасный день сэр Ланселот выглянул через стену и громким голосом обратился к королю Артуру и к сэру Гавейну: — Любезные мои два господина, знайте, понапрасну вы ведете эту осаду, ибо здесь не завоюете вы земли, но лишь горе себе и позор. Ведь если я пожелаю выйти за стены с моими добрыми рыцарями, то я в краткий срок положу конец этой войне.

— Выходи же,— отвечал сэру Ланселоту король Артур,— если смеешь, и я обещаю встретиться с тобою посреди этого поля.

— Господь меня упаси,— отвечал сэр Ланселот,— когда-либо встретиться в бою с благороднейшим из королей, посвятившим меня в рыцари.

— Позор тебе! Не желаю я слушать твои сладкие речи! — отвечал король.

— ибо знай и не сомневайся, я твой смертный враг и останусь им до по-

следнего дня моей жизни. Ибо ты убил моих добрых рыцарей, мужей славных и моих сородичей, и этой потери мне ничем не возместить. Кроме того ты возлежал с моей королевой и был ее возлюбленным много лет, а потом еще, как настоящий изменник, похитил ее у меня силою.

— Благороднейший мой господин и король,— молвила сэр Ланселот,— вы можете говорить все, что пожелаете, ибо вам отлично известно, что на вас я зла держать не стану. А что вы говорите, что я убил ваших добрых рыцарей, то это я и сам знаю и горько об этом скорблю; но я вынужден был вести с ними бой ради спасения моей жизни, иначе оставалось мне допустить, чтобы они убивали меня. Что же до госпожи моей королевы Гвиневеры, то, кроме вашего величества и еще господина моего сэра Гавейна, ни один рыцарь на свете не посмел бы в лицо обвинить меня в измене вашей особе. А что вы наволоните говорить, что я долгие годы был возлюбленным госпожи моей, вашей королевы, на это я всегда готов дать ответ и доказать с оружием в руках против любого рыцаря на земле, кроме вас и сэра Гавейна, что госпожа моя королева Гвиневра — верная супруга вашему величеству, и нет на свете другой дамы, которая тверже бы хранила верность своему супругу; и это я готов подтвердить с оружием в руках. И если ей угодно было в милости вашей оказывать мне ласку и предпочтение перед всеми рыцарями, то по мере сил моих я заслужил ее любовь, ибо много раз, господин мой, вы соглашались в гневе предать ее сожжению и гибели, и всякий раз мне выпадала честь за нее сразиться, и прежде чем я расставался с моим противником, он всегда признавался в своей неправоте и честь королевы бывала восстановлена. И в такие минуты, господин мой Артур,— сказал сэр Ланселот,— вы тоже лажали и благодарили меня за то, что я спас от костра вашу королеву, и вы казались навек быть мне благосклонным сызверном. Теперь же, сдается мне, вы платите мне злом за мою добрую службу. Ибо, думается мне, господин мой, я утратил бы едва что не всю мою рыцарскую честь, когда бы потерял, чтобы госпожу мою, вашу королеву, сожгли на костре, тем паче, если это случилось бы из-за меня. Ведь если прежде я сражался за вашу королеву и спасал ее из беды, что навлекли на нее другие, то тем более я должен был спасти ее от обманного обвинения на этот раз. И потому, мой добрый и милостивый господин,— сказал сэр Ланселот,— примите милостиво назад вашу королеву, ибо она верна вам и добродетельна.

— Тыфу на тебя, трусливый рыцарь-изменник! — воскликнула тогда сэр Гавейн.— Ибо да будет ведомо тебе: что бы ты ни говорил, мой господин и родной дядя король Артур все равно получит назад свою королеву и тебя тоже и уберет вас обоих или помилует, как ему заблагорассудится.

— Возможно, что и так,— отвечал сэр Ланселот,— но знай и ты, господин мой сэр Гавейн, что если мне вздумается выйти за городские стены, то, чтобы захватить меня и королеву, вам придется выиграть нелегкий бой, какого жесточе еще не случалось вам выигрывать.

— Тыфу на твои хвастливые речи! — сказал сэр Гавейн.— Что до госпожи моей королевы, то знай: я никогда не скажу про нее худого слова. Но ты, коварный и трусливый рыцарь,— сказал сэр Гавейн,— за что было тебе убивать моего доброго брата сэра Гарета, который любил тебя сильнее,

нежели меня и весь род наш? И ведь ты, увя, своей рукою посягнул его в рыцари! Почему же убил ты его, который так тебя любил?

— Извинения мне в этом нет,— отвечал сэр Ланселот,— но клянусь Иисусом и моей верностью высокому Ордену Рыцарства, для меня это было все равно что убить моего собственного племянника сэра Борса Ганского. Увы мне, почему случилось со мною такое злочестие,— сказал сэр Ланселот,— что я не заметил сэра Гарета и сэра Гахериса!

— Ты лжешь, трусливый рыцарь!— воскликнула сэр Гавейн.— Ты убил их из ненависти ко мне. И потому, знай, о сэр Ланселот, я буду вести войну против тебя, и пока я жив, я — твой враг!

— Мне прискорбно это,— отвечал сэр Ланселот,— ибо я понимаю, что напрасно буду искать примирения, пока вы, сэр Гавейн, настроены так злобно. А когда бы не вы, я не сомневался, что возвратил бы себе милость господина моего короля Артура.

— Охотно верю этому, коварный, трусливый рыцарь, ибо ты долгое время высокомерно помыкал нами и погубил немало наших добрых рыцарей.

— Сэр, говорите, как вам будет угодно,— отвечал сэр Ланселот,— и все же никто не может обвинить меня и доказать перед всеми, что я когда-либо убил рыцаря коварными хитростями, как это сделал некогда вы, господин мой сэр Гавейн. Я же убивал, только защищаясь, понужденный к этому ради спасения моей собственной жизни.

— А, лживый рыцарь!— сказал сэр Гавейн.— Ты намекаешь на сэра Ламорака? Но знай же, я убил его моею рукою!

— Сэр, вы убили его не один на один,— отвечал сэр Ланселот,— это было бы вам не под силу, ибо он почитался среди сверстников своих одним из лучших рыцарей в христианском мире. И это великой жалости достойно, что он погиб.

Сэр Гавейн.

КАК КУЗЕНЫ И РОДИЧИ СЭРА ЛАНСЕЛОТА ПОБУЖДАЛИ ЕГО ВЫЙТИ НА БОИ, И КАК ОНИ ГОТОВИЛИСЬ К СРАЖЕНИЮ — Что ж, ладно, сэр Ланселот,— сказал сэр Гавейн,— раз уж ты упрекаешь меня за сэра Ламорака, то знай, я буду преследовать тебя до тех пор, пока ты не попадешься мне так, что уже не уйдешь из моих рук.

— В это я легко поверю,— отвечал сэр Ланселот,— и если уж вы до меня доберетесь, то мне не дождаться пощады.

Но Французская Книга говорит, что король Артур склонялся принять свою королеву

обратно и примириться с сэр Ланселотом, да только сэр Гавейн ни за что не желал на это согласиться. Сэр Гавейн собрал людей, велел им всем разом трубить в рога и вызывать сэра Ланселота, и они в один голос кричали ему, что он — «коварный и трусливый рыцарь».

Но когда эти возгласы услышали сэр Борс Ганский, сэр Эктор Окранн-

ный и сэр Лионель, то они призвали к себе сэра Паломиды и сэра Лавейна и сэра Уррия и еще многих добрых рыцарей из своего рода, и все вместе они явились к сэру Ланселоту и сказали так:

— Мой господин, знайте, что мы глубоко презираем все эти оскорбительные речи, что сэр Гавейн говорил против нас. И мы просим вас и требуем, если дорожите вы нашей службой, не удерживайте нас более в этих стенах, ибо мы объявляем вам, что желаем выскать на поле и сразиться с ними. Ибо вы поступаете, как человек, который боится, а ведь все ваши прекрасные речи вам не помогут, ведь сэр Гавейн все равно никогда не допустит вашего примирения с королем. И потому, сражайтесь за вашу жизнь и ваше право, если только вы не боитесь!

— Увы!— отвечал сэр Ланселот,— выскать из замка и завязывать бой и вы никак не хотите!

И крикнул сэр Ланселот громким голосом королю Артуру и сэру Гавейну: — Мой господин, прошу вас и заканную, раз уж я вынужден выскать на поле боя, вы, господин мой король Артур, и вы, сэр Гавейн, воздержитесь и не появляйтесь там.

— А что же нам делать?— спросил сэр Гавейн.— Разве не королю надлежит биться с тобою за те оскорбления, что ты ему нанес? И разве не мне биться с тобою за смерть брата моего сэра Гарета?

— Ну, что ж, ничего не поделаешь,— сказал сэр Ланселот.— Приходится мне выходить в бой. Но знайте, господин мой Артур, и вы, сэр Гавейн, вы не пожалеете, что настояли на сражении со мной.

И с тем они разошлись; и обе стороны стали готовиться к завтрашнему бою, и большие приготовления были сделаны и с той и с другой стороны. А сэр Гавейн собрал много рыцарей и поручил им преследовать сэра Ланселота, обступить его платно, когда представится случай, и убить. И вот на рассвете король Артур с тремя большими полками уже стоял готовый к бою у стен замка.

Тут и Ланселотово войско выехало на поле через трое ворот в полном боевом порядке: с первым полком выехал сэр Лионель, со средним полком — сэр Ланселот, а в третьем ворота выехал сэр Борс. Они двинулись ровным строем, как подобает благородным рыцарям. Но сэр Ланселот наставлял своих рыцарей щадить жизнь королю и сэру Гавейну.

Сэр Гавейн.

КАК СЭР ГАВЕЙН В СХВАТКЕ НА КОПЬЯХ ПОВЕРГ СЭРА ЛИОНЕЛЯ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОМОГ КОРОЛЮ АРТУРУ СЕСТЬ НА КОНЯ — И выехал вперед королевского войска сэр Гавейн и вызвал Любого, кто пожелал с ним сразиться.

Сэр Лионель был горячий рыцарь, в тот же миг он ринулся ему навстречу, схватились они, и сэр Гавейн пробил ему грудь, так что сэр Лионель рухнул замертво с коня на землю. И тогда сэр Эктор вместе с другими рыцарями унес его в замок.

Тут завязалось великое сражение и много полегло в нем народу; но все время сэр Ланселот старался щадить людей короля Артура. Ибо сэр Борс и сэр Паламид и сэр Сафир сокрушали многих рыцарей, ведь они были грозные бойцы; и вместе с сэрвом Бламуром Ганским, сэрвом Блеобернисом и сэрвом Беллигером Жестоким они шестером нанесли врагам немалый урон. А король Артур все прорывался к сэру Ланселоту, желая его убить, но сэр Ланселот терпел его удары и не разил его в ответ. И схватился с королем Артуром сэр Борс и выбил его из седла; а затем он и сам спешился, обнажил меч и крикнул сэру Ланселоту:

— Сэр, не положить ли мне конец этой войне? (Ибо он подразумевал что убьет его.)

— Не смейте! — воскликнула сэр Ланселот. — Под страхом смерти не дерзайте более к нему прикоснуться! Ибо я никогда не допущу, чтобы благороднейший из королей, посвятивший меня в рыцари, был убит или поражен!

И с тем сэр Ланселот сошел со своего коня, поднял с земли короля, посадил в седло и сказал так:

— Господин мой король, ради Иисуса, прекратите эту войну, ибо вам не будет от нее чести, если я стану биться до последнего. Ведь и все время щажу вас, вы же сами, и все ваши, наседаете на меня без пощады. И потому, господин мой, прошу вас, припомните все мои многочисленные заслуги, за которые я сейчас получаю дурную награду.

А король Артур, вновь очутившись в седле, посмотрел на сэра Ланселота, и слезы брызнули из глаз его при мысли о великом благородстве сэра Ланселота, которому равного не было среди мужей. И с тем ускакал король прочь, не в силах более его видеть, и горестно молвил про себя: «Увы, увя, зачем начинали мы эту войну!»

Между тем отшан полки обеих сторон на отдых, стали хоронить убитых, осматривать раненых и прикладывать к их ранам уталоющие снадобья. И так провели они ту ночь, пока не настало утро. А к рассвету все вновь изготовились к бою, и передовой отряд возглавил сэр Борс.

И когда наступило утро, выехал вперед сэр Гавейн, свирепый, как вепрь, и в руке он держал тяжелое копье. Увидел его сэр Борс и задумал отомстить за брата своего сэра Лионела, который потерпел от него поражение накануне. И вот, признав издали одного другого, навесили они свои копья, ринулись друг на друга со всей своей мощью и мощью коней своих ишиблись столь яростно, что пронзили друг друга копьями и оба рухнули на голую землю.

И встретился тут полки, вновь завязался бой, и много народу пало убитыми с обеих сторон. Сэр Ланселот успел подобрать сэра Борса и отослал его в замок, и ни сэр Гавейн, ни сэр Борс не умерли от тех ран, ибо им была оказана добрая помощь.

И стали сэр Лавейн и сэр Урриг просить сэра Ланселота, чтобы и он сражался в полную силу, как и они:

— Ибо мы видим, что вы щадите и уклоняетесь разить врагов, мы же от этого терпим урон. И потому мы просим вас, не пекитесь о ваших врагах, как они не пекутся о нас.

— Увы, — сказал сэр Ланселот, — не влечт мне сердце сражаться против господина моего Артура, ибо кажется мне, будто я поступаю не так, как предписывает мой долг.

— Господин мой, — сказал сэр Паламид, — как бы вы их ни щадили, они вам будут за это только благодарны, если же им удастся захватить вас, то почитайте себя убитым.

И понял сэр Ланселот, что они говорят правду. И стал он сражаться с большей силою, чем прежде, к тому же и раны племянника его сэра Борса расплакали в нем ярость.

И в скором времени, еще до начала вечерин, сторона сэра Ланселота стала одерживать верх, и кони их шагали выше копыта в крови — так много людей было убито в тот день.

И пожалел их снова сэр Ланселот, он удержал своих рыцарей и позволил войску короля Артура отойти с поля боя. Затем и сэр Ланселот удалился со своими силами в замок, и оба войска стали хоронить убитых и раненых прикладывая уталоющие снадобья. Но теперь, когда был ранен сэр Гавейн, рыцари на стороне короля Артура уже не столь пылко рвались в битву.

Тем временем о войне между королем Артуром и сэром Ланселотом распространилась весть по всем христианским землям и достигла, наконец, через доносения до слуха римского папы. И папа, зная о великой добродетели короля Артура и о высокой доблести сэра Ланселота, который почитался благороднейшим рыцарем мира, призвал к себе одного благородного служителя веры, который в то время находился в Риме (а Французская Книга говорит, что это был епископ Рочестерский), и вручил ему папа буллы со свинцовыми печатями и отправил его к королю с повелением, под угрозой интердикта всей Англии, принять назад свою королеву и примириться с сэром Ланселотом.

КАК ПАПА РИМСКИЙ ПРИСЛАЛ ИМ БУЛЛЫ С ПОВЕЛЕНИЕМ ПРИМИРИТЬСЯ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИВЕЗ КОРОЛЮ АРТУРУ КОРОЛЕВУ И вот когда прибыл епископ в Карлайл, он показала королю буллы, и король, услышав, что в них написано, не знал, как ему дальше быть: он бы с превеликой охотою примирился с сэром Ланселотом, но сэр Гавейн этого не допускал. На возвращение королевы он согласился, но допустил, чтобы король примирился с сэром Ланселотом, он не согласен был ни в коем случае, он дал только согласие, чтобы вернулась королева. И получила епископ от короля Артура заверения под большой королевской печатью, что, как есть он истинный и поманзанный король, сэр Ланселот сможет уехать в неприкосновенности, а королева будет при-

янта обратно, и никто при дворе, ни сам король, ни словом не помнякут ей того, что было. И верную запись этих условий епископ отвозит показать сэр Ланселоту.

Когда он прибыл в замок Веселой Стражи, то объявила и доказал сэру Ланселоту, что послан папой римским с буллами к королю Артуру и к нему. И он объявил сэру Ланселоту, что ему грозит, если он откажется возвратить королю Артуру его королевю.

— Сэр, у меня в мыслях не было,— сказала сэр Ланселот,— отказаться возвратить королевю господину моему Артуру. Я держу ее у себя вот по какой причине: поскольку она была обречена на сожжение из-за меня, я счею своим долгом спасти ей жизнь и защитить ее от опасности, до тех пор пока не объявится заступничество надежнее моего. И вот теперь, хвала господину,— сказал сэр Ланселот,— папа римский позаботился о королевю и установил меж ними мир. Ибо видит бог,— сказал сэр Ланселот,— мне в тысячу раз радостнее возвратить ее королю, нежели было раньше ее похитить, при том условии, что я смогу приехать и уехать неприкосновенным и что королевю будет на свободе и никогда впоследствии не подвергнется опасности, в чем бы ее ни обвиняли теперь. В противном же случае,— молвила сэр Ланселот,— я не побоюсь оставить ее у себя, пусть даже враги мои нападают на нас еще яростнее, чем прежде.

— Сэр, вам нет нужды,— сказала епископ,— этого опасаться, ибо знаете, повеления папы никто не вправе ослушаться. И ни честь римского папы, ни мое смиренное достоинство не допустят, чтобы вы или королевю вновь попали в беду и чтобы вам грозила гибель или поношение.

И он показал сэру Ланселоту все бумаги, и от папы, и от короля Артура. — Это надежные заверения,— сказала сэр Ланселот,— ибо я всегда готов довериться письму господина моего и его печати, ведь никто не слышал, чтобы он когда-либо нарушил свое слово. И потому,— сказал сэр Ланселот епископу,— поезжайте к королю Артуру вперед меня, приветствуйте его от меня и сообщите, что ровно через семь дней, милостью божией, я сам приеду к нему королевю. И еще скажите моему достославному господину, что я перед всеми готов защищать честь королевю и ни для кого не сделаю исключения, кроме лишь самого короля и господина моего сэра Гавейна, и то более ради короля, нежели ради сэра Гавейна.

И отбыл епископ и приехал в Карлайл к королю и пересказала ему ответ сэра Ланселота, и покатались у короля слезы из глаз. Между тем сэр Ланселот собрал сотню рыцарей, облаченных в добрые одежды из зеленого бархата и верхом на конях, по копыта покрытых чепраками из той же ткани, и каждый рыцарь держал в руке оливковую ветвь в знак мира. И таким же образом сопровождали королевю двадцать четыре дамы. А за сэром Ланселотом вели двенадцать коней, и на каждом сидели верхом дворянские сыны, и все они были облачены в одежды из белого бархата с золотыми щелями вокруг бедер, и кони покрыты белыми же чепраками по самым копытам, а сбруи унизаны драгоценными пряжками, шты каменьями и жемчужинами в золотой оправе,— всего числом в тысячу на каждом коне. И в подобном же облачении была королевю, а также и сэр Ланселот — в одеждах из белой ткани с золотым шитьем.

И вот в таком-то виде, как повествует Французская Книга, сэр Ланселот отправился из замка Веселой Стражи в Карлайл. Он проследовал через весь город в замок, так что все жители могли его видеть. И было там по пути их немало плачущих глаз. Приехав, спешился сэр Ланселот и отдал коня, смял с седла королевю и повел ее туда, где король Артур восседал на своем месте; перед ним же сидел сэр Гавейн и еще многие великие лорды. Увидел сэр Ланселот короля и сэра Гавейна, подвел он королевю за руку, и преклонил они оба перед королем колени. И знаете, многие мужественные рыцари, вместе с королем Артуром, падали, при этом так горько, словно все их родичи до последнего лежали перед ним мертвыми!

А король сидел неподвижно, не произнес ни слова. Поглядел в лицо ему сэр Ланселот и встал во весь рост, поднял и королевю с колена, и так сказал он по-рыцарски:

О ВОЗВРАЩЕНИИ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ КОРОЛЮ КОРОЛЕВЮ, И С КАКИМИ РЕЧАМИ ОБРАТИЛСЯ К СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ СЭР ГАВЕЙН — Мой достославный король, вы видите, что по повелению римского папы и вашему

я привез вам госпожю мою королевю, как того требует право. Но если есть здесь, кроме вашего величества, хоть один рыцарь, высокого ли звания и рождения или низкого, все равно, который осмелится отрицать, что она верна вам и чиста, то я, сэр Ланселот Озерный, с оружием в руках против него докажу, что она — ваша верная супруга.

Но вы, сэр, послушав яжецов, и это породило великую распрю между мною и вами. Ведь было время, господни мой Артур, когда вы были довольны мною за то, что и защищал госпожю мою, вашу королевю, и вам отлично ведомо, о баалгороднейших из королей, что она не раз и прежде подвергалась великим опасностям. А раз в прежние времена вы были довольны, когда я за нее сражался, то тем паче, казалось мне, я должен был спасти ее от кнота, который грозил ей из-за меня.

Те же, кто передавали вам все эти рассказы, были лжецами, и им достало бы заслуг; ибо всего вернее, не будь могущество божие на моей стороне, мне бы не выстоять одному против четырнадцати рыцарей. К тому же они были вооружены и знами, на что шал, и же был безоружен и застигнут врасплох, ведь я был зван к госпоже моей, вашей королевю, а для чего, я не знал, но едва только переступил порог королевичных покоев, как тотчас же сэр Агравейн и сэр Мордред стали кричать мне из-за двери и называть меня изменником и трусом.

— Кактус, они называли тебя правильно! — воскликнул сэр Гавейн.

— Господни мой сэр Гавейн,— сказала сэр Ланселот,— в той схватке им не удалось выказать себя ни правыми, ни сильнейшими.

— Ну, ну, сэр Ланселот,— сказал король,— я не давал вам причины поступать со мною так, как вы поступили, ибо вы и ваша родня были у меня в чести большей, чем другие рыцари.

— Мой господин, — отвечал сэр Ланселот, — не прогневайтесь, но ведь я и мои сородичи не однажды сослужили вам лучшую службу, нежели другие рыцари; и всякий раз, как вам приходилось тяжело, я избавляла вас от всевозможных опасностей; я всегда по мере сил моих рад была оказывать услугу вам и господину моему сэру Гавеину. И в поединках, и на турнирах, и в сражениях, пеший и конный, я много раз повсюду спасал вас и вас, господин мой сэр Гавеин, и еще многих ваших рыцарей.

И сейчас я смело скажу, — продолжал сэр Ланселот, — да будет вам всем ведомо, что еще ни разу не встретил я такого рыцаря, который мог бы против меня выступить в честном бою до последнего. Помилуй меня господи! С какими бы славными рыцарями мне ни приходилось сражаться, будь то даже сэр Тристрам или сэр Ламорак, я никогда не бился ни с кем из них, ибо шадил их, догадываясь, кто они. И я беру бога в свидетели, никогда и не пытался зла и зависти к добрым рыцарям, добывающим себе славу в поединках, и всегда был рад, если мне встречался рыцарь, хоть немного могший выступить против меня, в пешем ли бою или в конном. Только вот, пожалуй, сэр Карадос из Башни Слез, он был бою превосходнейший и муж силы превеликой, и кому и знать это, сэр Гавеин, как не вам, ведь того нельзя не почитать превосходным бойцом, кто великою мощью своею ставил вас с коня, положила поперек своего седла и прикрутила перемычками к луке. И в тот раз, господин мой сэр Гавеин, я вас спас и убил его у вас на глазах. А в другой раз я повстречал брата вашего сэра Гахериса и сэра Тарквина, который вел его перед собою, связанного по рукам и ногам. И тогда я спас вашего брата и убил сэра Тарквина и к тому же вызволил из заточения еще шестьдесят четыре рыцаря господина моего короля Артура. И потому говорю теперь, — сказал сэр Ланселот, — что никогда не встречал столь могучих рыцарей и столь искусных бойцов, как сэр Карадос и сэр Тарквин, ибо с ними обоими и бился в подлунную мою силу. И потому также думаюсь мне, — сказал сэр Ланселот сэру Гавеину, — что и вам не должно об этом забывать. Ибо если я склоню к добруму расположению вас, то, с помощью божией, я добьюсь и милости господина моего короля Артура.

О СООБЩЕНИИ МЕЖДУ СЭРОМ ГАВЕИНОМ И СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ, И О МНОГИХ ИХ СЛОВАХ — Сэр, король пусть решает, как ему угодно, — отвечал сэр Гавеин, — но знай, сэр Ланселот, между мною и тобой никогда не будет мира, откуда мы живем на свете, ибо ты убил трех моих братьев. И двоих из них ты убил предательски и безжалостно, ибо они были безоружны, да и никогда бы не подняли против тебя оружия.

— Сэр, видит бог, я желаю бы, чтобы они были в доспехах, — сказала сэр Ланселот, — ибо тогда они были бы сейчас живы. Что до сэра Гарета, то никого из своих кровных родичей я так не любил, как его, и откуда живи я, — ска-

зал сэр Ланселот, — я буду оплакивать смерть сэра Гарета, и повсе не из страха перед вами, но по многим другим причинам, причиняющим печаль мою. Одна из них та, что я сам посвятил его в рыцари; вторая причина — что, я знаю, он любил меня более, нежели кого-либо еще из рыцарей; а третья — что он был благороден и верен, любезен и учтив и нравом весьма добр. Четвертая же причина в том, что я сразу же понял, услышав о смерти сэра Гарета, что мне никогда уже больше не пользоваться вашим, господин мой сэр Гавеин, любовью, но лишь вражда вечная будет между нами. И также я понял, что вы склоните господина моего короля Артура на вечную и смертельную со мною вражду. Но клянусь моей рыцарской честью и как есть Иисус мне защитник, я не убивал ни сэра Гарета, ни брата его моего волею, но умы! на беда явились они в тот день без доспехов! Но вот что я предлагаю вам, — сказал сэр Ланселот, — если угодно будет королю и вам, господин мой сэр Гавеин: я выйду из Сандучка босой и в одной рубашке и отправлюсь в путь, и через каждые десять миль буду основывать и закладывать святые обители какого ордена вы мне назначите, и часовни, чтобы в них день и ночь пели и читали молитвы, в особенности же по сэру Гарету и по сэру Гахерису. И это я сделаю на всем пути от Сандучка до Каррайлы, и каждой обители придам довольно имущества и добра. И покида останется у меня хоть какое-то имя на земле, ни один из этих божьих домов не будет испытывать недостатка ни в чем, что потребно для устройства, содержания и кормления святых обителей. И это будет дано во спасение их душ достойные и святое и богу угодное, нежели когда вы, мой благороднейший король и вы, сэр Гавеин, идете на меня войной, ибо атам вы ничего не добьетесь.

Тут все рыцари и дамы, при том присутствовавшие, стали плакать, как безумные, и на щеки короля Артура тоже упали слезы.

— Сэр Ланселот, — сказал сэр Гавеин, — я выслушал твои прекрасные речи и щедрые посулы. Но знай, пусть король поступает, как угодно ему, а я же никогда не прошу тебе смерть моих братьев, в особенности же, смерть брата моего сэра Гарета. И если мой дядя король Артур пожелает помирился с тобой, он лишится моей службы, ибо говорю тебе, — сказал сэр Гавеин, — ты изменник и королю и мне.

— Сэр, — отвечал сэр Ланселот, — не рождался еще на свете такой рыцарь, который сумел бы доказать это против меня с оружием в руках! И если вы, сэр Гавеин, бросаете мне столь ужасное обвинение, то уж извините меня, но мне придется на него ответить.

— Ну, нет, — сказала сэр Гавеин, — теперь уж об этом речи нет из-за папы римского, ибо он повелел дяде моему королю принять назад королевну и примириться, сэр Ланселот, с тобою, и на этот раз дать ручательство, что ты сможешь уехать невредим, как и приехал. Но в нашей земле тебе не должно оставаться долее пятнадцати дней — такое предупреджение тебе делаю я, ибо еще до твоего приезда мы с королем в том сговорились и согласились. А если ты замешкаешься, — сказала сэр Гавеин, — то знай, что лучше бы тебе вовсе сюда не приезжать, ибо ты заплатишь головой. И когда бы не повеление папы, — сказал сэр Гавеин, — я бы своими руками бился против тебя, один на один, и доказала бы, одолев тебя, что ты — изменник и дяде

моему королю Артуру, и мне. Я еще докажу это в поединке с тобою после того, как ты отсюда уедешь, где бы я тогда тебя ни встретил!

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРОСТИЛСЯ С КОРОЛЕМ И С ЗАМКОМ ВЕСЕЛОЙ СТРАЖИ И СОБРАЛСЯ ЗА МОРЕ, И КАКИЕ РЫЦАРИ ОТПРАВИЛИСЬ ВМЕСТЕ С НИМ Тут вдохнул сэр Ланселот, и слезы упали на щеки его, и он сказал:

— О, благороднейшее христианское королевство, возлюбленное мною превыше всех королевств! В твоих пределах добыл я почти всю мою славу, но ныне, когда должен я вот так бесславно тебя покинуть, воистину мне жаль, что когда-то я прибыл сюда, откуда и столь позорно изгнан, незащуженно и беспричинно! Но так уж изменчива судьба и безостановочно ее колесо, что нет в жизни постоянства. И тому есть много свидетелей в старых

хрониках, как, например, в историях благородного Гектора Троянского или Александра¹, этого могущественного завоевателя, и еще многих других: они были вознесены на царственную высоту, а потом падали всех ниже. Так случилось и со мною, — сказал сэр Ланселот, — ибо в этом королевстве я пользовался величайшей славой, и подвигами моими и сородичей моих умножена была слава всего Круглого Стола более, нежели кем-либо еще из нас.

И потому знай, сэр Гавейн, я проживу на моих собственных землях не хуже любого из здесь находящихся рыцарей. И если вы, мой достославный король, придете на мою землю с сэрмом Гавейном войной против меня, то я уж постараюсь, как смогу, противостоять вам. Но что до вас, сэр Гавейн, если вы пойдете на меня, то прошу вас, не обвиняйте меня в измене и предательстве, ибо иначе я должен буду ответить на ваши обвинения.

— Поступай как тебе будет угодно, — отвечал сэр Гавейн, — только поторпись скрыться с наших глаз! И знай, мы скоро последуем за тобою и оборушим крепчайший из твоих замков тебе на голову!

— В этом вам не будет нужды, — молвила сэр Ланселот, — ибо когда бы я был столь же воинственно настроен, как вы, я бы непременно искал с вами встречи на ратном поле.

— Не надобно нам больше речей твоих, — сказал сэр Гавейн, — вручи королю королеву и поспеши вон из этого замка!

— Ну, что ж, — сказал сэр Ланселот, — знай я, какая меня здесь ждет встреча, я бы дважды подумала, прежде чем ехать сюда. А если бы королева и вправду была мне так дорога, как вы на нее напечатываете, уж я бы не побоялся оставить ее у себя и отстоять ее даже и против сильнейшей в мире рыцарской дружины.

И с тем обратился сэр Ланселот к королеве Гвиневере и при короле и при всех, кто там был, сказал ей так:

— Госпожа, теперь я должен навсегда покинуть вас и это благородное общество. И раз уж это так, я заканную вас молиться за меня, как я буду молиться за вас. Если же живные языки еще когда-нибудь навалятся на вас буду, без промедления, добрая моя госпожа, дайте знать об том мне, и я схою один рыцарь на всем свете сможет вас спасти, то этим рыцарем буду я, и я спасу вас с оружием в руках.

И с тем сэр Ланселот поцеловал королеву и сказал громким голосом:

— А теперь посмотрим, найдется ли здесь кто-нибудь, кто осмеяется сказать, что королева неверна господину моему королю Артуру? Пусть говорят, если посмеет.

И с тем он подвел королеву к королю, а потом поклонился и вышел. И не было там ни короля ни герцога, ни графа ни барона, ни рыцаря ни дамы, кто бы не плакал, как безумный, кроме лишь сэра Гавейна. И когда благородный рыцарь сэр Ланселот сядил на коня, чтобы покинуть Карайял, поднялись тут великие стоны и рыдания, и горько был оплакан его отъезд. И пустился он в путь к замку Веселой Стражи, который он с тех пор всегда называл замком Печальной Стражи. Так покинул сэр Ланселот навсегда двор короля Артура.

Когда же он прибыл к себе в замок, то призвал к себе свою дружину и спросил рыцарей, как намерены они поступить дальше. И ответили они все разом в один голос, что как он поступит, так и они.

— Тогда, любезные мои други, — сказал сэр Ланселот, — мы должны покинуть пределы этого благороднейшего королевства. И теперь, когда я должен отсюда уехать, мне это очень горько, ибо отъезд мой будет бесславно, ведь изгнанный всегда удаляется бесславно. А это меня очень печалит, ибо я боюсь, что люди после моей смерти запишут в хроники, что я был изгнан из этой земли. А иначе, любезные лорды, когда бы не боялся я позора, госпожа моя королева Гвиневра и я не расстались бы никогда. Тут заговорили благородные рыцари сэр Паломид и сэр Сафир, его брат, и сэр Беллигер Жестокий, и сэр Уррий с сэрмом Лавейном, и еще многие другие, и сказали так:

— Сэр, если вы склонны не уезжать и остаться в этой стране, то мы не подведем вас, вы можете на нас положиться. Если же вы надумаете покинуть эту страну, то здесь нет ни одного доброго рыцаря, который бы не последовал за вами, и тому есть много причин. Одна из них та, что все мы, хоть и не вашей крови, при дворе короля не встретим радушию приема. И раз уж мы предпочи в беде вашей принять вашу сторону, когда вы находились здесь, знайте, что мы также последуем за вами и в другие страны и разделим с вами и там вашу судьбу.

— Любезные лорды, — отвечал им сэр Ланселот, — я вас понял и отблагодарю, как могу. Вы же знайте: все мои наследственные владения я разделил с вами, то есть я разделил все мое имя и все земли между вами, и себе возьму ровно столько же, сколько достанется и всякому из вас; и если будет у меня довольно, чтобы жить мне одному, то больше мне не над, ни богатств, ни роскошества. И с божьей помощью я надеюсь содержать вас на моих землях не хуже прежнего.

Тут сказали все рыцари в один голос:

— Позор да будет тому, кто вас покинет! Ибо мы все понимаем, не будет мира в этом королевстве, но лишь раздор и война, когда распалось братство рыцарей Круглого Стола. Ведь это дружино Круглого Стола держалась слава короля Артура, ее доблестью поддерживался мир и покой короля и всего королевства. И немалая доля, — сказали они все, — в этом и ваших заслуг, сэр Ланселот.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПЕРЕЕХАЛ ЧЕРЕЗ МОРЕ И КАК ОДЕЛИЛ БОГАТЫМИ ЗЕМЛЯМИ РЫЦАРЕЙ, УЕХАВШИХ ВМЕСТЕ С НИМ — Воистину я благодарю вас всех за добрые ваши слова. Как бы то ни было, я знаю, что не на мне одном держалось благоденствие этого королевства, но в чем мог, я исполнял свой долг. И право, я помню в мои дни немало смут и мятежей, которые мною и моим родом бывали усмирены. Но о мятежах, я знаю, все мы еще скоро услышим, и это мне весьма прискорбно. Ибо я очень опасюсь, — сказал сэр Ланселот, — что сэр Мордред учинит в стране смуту, ибо он человек злобный и весьма склонный творить беды.

Так было между ними решено отправиться вместе с сэрм Ланселотом в его владения. И говоря коротко, они наняли и закупили все потребное снаряжение, и собрались при сэре Ланселоте целая сотня рыцарей, и они приняли присягу, что бы ни было, не покидать его ни в славе ни в беде.

Сели они на корабли в Кардиффе и отплыли в Бенвик; сейчас ныне зовут его Байонна, а ныне — Бонн², откуда вино боанское. Но правду сказать, сэр Ланселот и его племянники владели всей Францией и всеми землями, к Франции принадлежащими; он и весь его род приобрели все эти владения через благородную доблесть сэра Ланселота.

Прибыв, стал он укреплять и оснащать все свои славные города и замки и ставил в них отряды-гарнизоны. И тогда признал его власть все жители тех земель и смиренно ему покорились. Когда же распорядился он всем в тех краях, то вскоре созвал парламент, и там он короновал сэра Лионеля королем Франции, а сэра Борса он короновал королем всех бывших владений короля Клаудаса, а сэра Эктора Окраинного, младшего своего брата, короновал он королем Бенвика и всей Гвинеи — наследными владениями сэра Ланселота. И он сделал сэра Эктора князем над ними всеми.

Так распачлен он все свои земли и наделил ими своих благородных рыцарей. Сначала он пожаловал владения своим сородичам: сэра Бламура он сделал герцогом Лимузина, что в Гвинеи, а сэра Блосбериса — герцогом Пуату. Сэру Галлантину он отдал герцогство Овернь, сэру Галлихиду — герцогство Сентон, сэра Галхуда сделал графом Периге, сэра Менадука сделал графом Руэрга, сэра Вилара Доблестного — графом Беарна,

сэра Эба Достопынного — графом Коммана, сэра Лавейна он сделал графом Арманьяка, сэра Уррия — графом Астарака, сэра Нероенса — графом Пардиака, сэра Пленорнуса — графом Фуа, сэра Селиса из Башни Слез он сделал графом Марсана, а сэра Мелнаса Островного — графом Турсана, а сэра Беллингера Жестокого — графом Ланда, а сэра Паломнда — герцогом Прованса и сэра Сафира, его брата, — герцогом Лангедока. Сэру Келгису он пожаловал графство Ажен, сэру Садуку — графство Сарла, сэра Динаса-Сенешала он сделал герцогом Анжуа и сэра Кларуса — герцогом Нормандии³.

Так наградила сэр Ланселот своих благородных рыцарей, этих и еще многих других, которых слишком долго было бы, мне думается, здесь перечислять.

КАК КОРОЛЬ АРТУР И СЭР ГАВЕЙН СОБРАЛИ БОЛЬШОЕ ВОЙСКО, ЧТОБЫ ПЕРЕЕХАТЬ ЧЕРЕЗ МОРЕ И ПОЙТИ ВОЙНОЙ НА СЭРА ЛАНСЕЛОТА — Теперь мы оставляем сэра Ланселота в его владениях, и с ним — его благородных рыцарей, и возвратимся к королю Артуру и сэру Гавейну, которые собрали большое войско всего числом в шестьдесят тысяч. Все уже было готово для переезда через море и для войны против сэра Ланселота и против его земель. И вот в Кардиффе погрузились они на корабль.

А король Артур назначил сэра Мордредя главным управителем над всей Английской землей, и под его началом оставил также королеву: оттого что был сэр Мордред сыном королю Артуру, король на время своего отсутствия поручил ему в

управление свою страну и свою королеву. Переехал король через море, высадился на земле сэра Ланселота и стал предавать страну грабегам и пожарам — ради мести сэра Гавейна. Когда же достигла сэра Ланселота весть о том, что король Артур с сэрм Гавейном высадился на его землю и все разоряют и губят, то сказал ему сэр Борс:

— Мой господин сэр Ланселот, повор нам, что мы вот так допускаем их хозяйничать на наших землях. Ведь знайте, как бы вы им ни попускали, они вам за то не сделают снисхождения, если вы попадете к ним в руки. Потом заговорил сэр Лионель, рыцарь разумный и осмотрительный, и сказал ему так:

— Мой господин сэр Ланселот, вот какой я дам вам совет: отсидимся за крепкими стенами в городах наших, покада противники наши не начнут испытывать голод и холод и не будут дуть себе на пальцы, а тогда нападем на них со свежими силами и порежем их, как овца в загоне, чтобы навсегда запомнили чужестранцы, на них глядя, как выживаются на наших землях!

Потом заговорил король Багдемагус и сказал сэру Ланселоту так:
— Сэр, ваша учтивость погубит нас всех, ваша учтивость породила и все эти бедствия, но ведь если они так будут ховяничать на наших землях, то постепенно они и нас самих уничтожат, если мы вот так попрячемся по норам.

Затем сказал сэру Ланселоту сэр Галихуд:

— Сэр, среди нас немало рыцарей королевской крови, и долго они не согласятся сидеть и бездействовать в этих стенах. И потому, позвольте нам, как должно рыцарям, встретить врага в поле, и мы так разделимся с ними, что они прокажут тот час, когда ступили на нашу землю.

Затем заговорил семеро братьев из Северного Уэльса; то были семь благороднейших рыцарей, — семь королевств можно было обыскать и все же не найти других таких семерых рыцарей. И сказали они все семеро в один голос так:

— Сэр Ланселот, ради Христа, позвольте нам с сэром Галихудом выехать за стены, ибо мы не приучены прятаться по замкам и крепким городам. И тогда заговорил сэр Ланселот, который всем им был глава и господин, и сказал так:

— Любезные лорды, знайте, я никак не хотел бы выезжать из стен замка ради пролития христианской крови. Но я вижу, что мои земли окажутся вовсе разорены, если на них еще долго будут кормиться большие армии, занятые великой войной, какую еще во время оно вел на них король Клаудас против здешних людей, а также против отца моего короля Бана и моего дяди короля Борса. Но все же пока еще мы останемся в этих крепких стенах. Я же пошлю посольство к господину моему королю Артуру для примирения, ибо мир лучше, нежели постоянные войны.

И послал сэр Ланселот девицу и с нею карлика, дабы просил он короля Артура не воевать более его земли. Пустилась она в путь на лошади, ее карлик бежал сбоку, и когда она подехала к шатру короля Артура, то спешилась. И встретила ее учтивый рыцарь сэр Лукан-Дворецкий и сказал:

— Прекрасная девица, вы прибыли от сэра Ланселота Озерного?

— Да, сэр, — она отвечала, — для того я прибыла сюда, чтобы говорить с королем Артуром.

— Увы, — сказал сэр Лукан, — господин мой Артур рад был бы примириться с сэром Ланселотом, но сэр Гавейн до того не допустит. — И еще он сказал: — Молю бога, девица, чтобы вам преуспеть, ибо все мы, состоящие при короле, почитаем сэра Ланселота за лучшего среди всех рыцарей на свете.

И с тем сэр Лукан отвел девицу к королю, где он сидел с сэром Гавейном, чтобы они могли выслушать ее посольство. И когда она кончила говорить, побежала влага из королевских глаз. И все лорды с превеликой радостью стали советовать королю примириться с сэром Ланселотом, кроме лишь одного сэра Гавейна. А он сказал так:

— Господин мой и родной дядя, как намерены вы теперь поступить? Неужели решитесь вы повернуть назад, когда уже так далеко зашли? Весь мир будет говорить о вас со смехом и презрением.

— Знайте, сэр Гавейн, — отвечал король, — что я поступаю по вашему совету. Однако сдается мне, — сказал король Артур, — что не следовало бы отвергать его справедливых предложений. Но раз уж я зашел так далеко, дать ответ этой девице я поручаю вам, ибо сам я не в силах от жалости говорить с нею, ведь ее предложения столь благородны.

КАК СЭР ГАВЕЙН ПОСЛАЛ ОБЪЯВИТЬ СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ, И КАК КОРОЛЬ АРТУР ОБЛОЖИЛ БЕНВИК, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ. И тогда сказал сэр Гавейн девице так:

— Передайте вы сэру Ланселоту, что послать посольства к моему дяде для него — напрасный труд. Ибо, скажите ему, если он в самом деле желает приложить старания для мира, надо было сделать это ранее, ибо теперь уже поздно. И скажите ему, что я, сэр Гавейн, просил его передать, что я клянусь верностью моему господину и рыцарству преследовать его неоступно до тех пор, пока он меня не убьет либо же я его!

Заплакала тут девица и удалилась, но и там осталось немало плачущих глаз. Сэр Лукан отвел ее туда, где стояла ее лошадь, и она возвратилась к сэру Ланселоту. А он был со своими рыцарями, и когда сэр Ланселот услышал ответ короля, то слезы сбегали по щекам его. А благородные рыцари обступили его и сказали:

— Сэр Ланселот, почему вы так невеселы? Вспомните, кто вы такой, вспомните, кто мы такие, и давайте, благородные рыцари, померимся с ними силами на поле брани.

— Это-то легче легкого, — отвечал сэр Ланселот, — но никогда еще не была я менее склонен к сраженью. И потому прошу вас, сэры, если вы меня любите, то послушайтесь вы меня и поступите по-моему. Ибо я буду всегда избегать боя с благородным королем, когда-то послышавшим меня в рыцари. Перед ним я буду обращаться в бегство, а если уж некуда мне будет дальше бежать, только тогда стану обороняться. И оттого будет мне и всем нам больше чести, чем если бы стали мы биться против благородного короля, которому прежде мы все служили.

На том прекратили они свои речи, и в ту ночь все расположились на отдых.

А рано поутру, как еще только светало, выглянули рыцари и увидели, что осада со всех сторон подступает к городу Бенвику, и уже лестницы наставлены. А из города их отбивают и сбрасывают со стен.

И выехал вперед сэр Гавейн, во всеоружии, на могучем скакуне, остановился перед главными воротами с копьем в руке и крикнул:

— Где ты, сэр Ланселот? Или меж вами, гордыми рыцарями, ни один не осмелится поломать копья со мною?

Тут изловчился сэр Борс и выехал за стены города. И встретился сэр Гавейн с сэром Борсом и сшиб его с коня и самого его едва не убил. Подобрал сэр Борса и унесл обратно в город.

Тогда выехал сэр Лионель, желая отомстить за сэра Борса. Вот оба они наставили копья, ринулись друг против друга и сшиблись жестоко, но сэру Гавейну была в тот день такая удача, что он сшиб наземь сэра Лионеля и нанес ему глубокую рану. Подобрали тогда сэра Лионеля и внесли за ворота в город.

И так сэр Гавейн приезжал каждый день, и не было случая, когда он не сокрушил бы кого-либо из рыцарей сэра Ланселота. Так продолжалось целых полгода, и немало народу было побито с обеих сторон.

Но вот случилось однажды сэру Гавейну подъехать к воротам города, как всегда, в полном вооружении и верхом на атланчском скакуне, и с тяжелым копьем в руке, и крикнуть громким голосом так:

— Где же ты, коварный изменник сэр Ланселот? Почему прятаться, как трус, за стенами и укрытиями? Выгляни только, коварный рыцарь-предатель, и я отомщу тебе за смерть моих трех братьев!

Все эти речи слышал сэр Ланселот от начала до конца. И тут обступил его со всех сторон родичи его и его рыцари, и так сказали они сэру Ланселоту все араз:

— Сэр, теперь должно вам непременно защитить себя, как подобает рыцарю, либо же быть опозоренным навеки, ибо когда вы открыто обвиняли в измене, тогда настает время действовать! И так слышном долго вы спали и слышном много терпели.

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Ланселот,— меня жестоко печалит слова сэра Гавейна, ибо ныне он бросает мне тяжкое обвинение. И потому знаю я, как и вы, что мне должно теперь непременно защищаться, либо же оказаться трусом.

И приказал сэр Ланселот седлать своего лучшего коня и нести свои доспехи в надрывную башню. А сам сэр Ланселот обратился к королю громким голосом и сказал так:

— Господни мой Артур, благородный король, когда-то повятышки меня в рыцари! Знайте, сокрушается сердце мое за вас, что вы вот так преследуете меня. Я же все от вас сносил, ведь будь я мстителем, я бы давно уже встретился с вами на бранном поле и усмирил бы самых храбрых ваших рыцарей. Вот уже полгода, как я все терплю и сношу от вас и от сэра Гавейна.

Но теперь я уже более терпеть не могу и непременно должен защититься, раз уж сэр Гавейн обвинил меня в измене. Но это будет против моей воли, ибо я не хотел биться против рыцарей вашей крови, однако теперь уже мне нет пути назад, как зверю, загнанному в засаду.

Тогда сказал сэру Ланселоту сэр Гавейн:

— Если ты отважился на бой, то оставь пустые речи и выходи на поле, и мы отведем суд!

Тогда облачился сэр Ланселот в доспехи и сел на коня своего, и оба рыцаря взяли в руки тяжелые копья. Отступило от ворот осаждавшее войско, и вышли из города благородные рыцари, числом столь многие, что когда увидел король Артур такое множество воинов и рыцарей, подивился он и сказал себе:

— Увы мне, что сэр Ланселот против меня! Ибо теперь я вижу, что он и вправду до сих пор меня щадил.

И заключен был между ними двумя договор, что никто не должен к ним приближаться и вмешиваться в бой, пока один из них не будет убит или не покорится.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ГАВЕИН БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ, И КАК СЭР ГАВЕИН БЫЛ ПОВЕРЖЕН И РАНЕН И вот развехались далеко сэр Ланселот и сэр Гавейн и пустили друг на друга коней во всю мочь и во весь опор, сшиблись и ударили один другого в середине щита. Но так могучи были рыцари и так тяжелы их копья, что не выстояли кони под этими ударами и рухнули наземь. Встали рыцари, бросив узду, перетянули наперед щиты и, сойдясь, стали рубиться, нанеся один другому жестокие удары по всему телу, так что кровь хлестала у них отовсюду.

А у сэра Гавейна была такая тайная сила в ладанке, полученной от святого старца, что всякий день в году с девяти часов утра и до полудня за три часа мощь его возрастала втрое¹⁴ против обычного. И это помогало сэру Гавейну сносить себе немало славы. Из-за него-то и издал король Артур такое повеление, чтобы все поединки базьего суда, которые должны были происходить пред королем Артуром, назначались как раз на это время; и все это — ради сэра Гавейна, дабы он, если случится ему выступить на одной стороне, успел одержать в поединке верх, откуда сила его не начнет убывать. Но мало кто из рыцарей в то время знал о тайном преимуществе сэра Гавейна, кроме одного лишь короля Артура.

А сэр Ланселот продолжал биться с сэром Гавейном, и чуя, как все возрастает у того сила, испугался сэр Ланселот, как бы ему не потерпеть поражения, ибо, как повествует Французская Книга, он подумал, почуяя, как удвоилась сила сэра Гавейна, что это сам дьявол с ним бьется, а не смертный человек.

И стал тогда сэр Ланселот наклоняться и уклоняться и щитом загоразкиваться, и так сберегал свои силы и дыхание в продолжение трех часов. И немало нанес ему за то время сэр Гавейн могучих ударов, рубя и коля, так что все рыцари, сведившие за сэром Ланселотом, дивились, откуда берутся у него силы все это выстоять, но и им невдомек было, как трудно приходилось сэру Ланселоту.

Но когда миновал полдень, пропала волшебная мощь сэра Гавейна, и остался у него лишь его собственной сила. Почувствовал сэр Ланселот, как поник сразу сэр Гавейн, выпрямившиеся он во весь рост, подошел к сэру Гавейну и сказал так:

— Ну, теперь чуя я, что могли, вы уже сделали. И теперь, господни мой сэр Гавейн, настала мой черед! Ибо за нынешний день я натерпелся от вас немало и принял жестоких и могучих ваших ударов без счета.

И удвоил сэр Ланселот свои удары и с такою силой обрушил меч на шлем

сэру Гавейну, что тот рухнул во весь рост на бок. А сэра Ланселот от него отступил.

— Зачем ты отступаешь от меня? — спросил сэра Гавейн. — Вернись, коварный рыцарь-предатель, и убей меня насмерть! Ибо если ты меня так оставишь, знай, что лишь только я оправлюсь, я буду биться с тобою снова!

— Сэр, — отвечал сэра Ланселот, — как-нибудь с божьей помощью, я выстою против вас! Но знай, сэра Гавейн, что поверженного рыцаря я разить не стану.

И с тем сэра Ланселот удалился и вернулся в город. А сэра Гавейна отнесли в шатер короля Артура, и призывали были к нему тотчас же лучшие лекари, и они осмотрели и промыли ему раны и смазали утешающими средствами.

Сэр же Ланселот сказал так.

— Приветствую вас, господин мой король! Но знайте, что у этих стен вам не завоевать себе славы, ибо захоти я вместе с города моих рыцарей, и многие достойные мужи примут смерть своєю. А потому, господин мой Артур, не забывайте о прежней любви между нами, и да наставляет вас во всяком деле Иисус, что бы ни случилось дальше со мною.

Сэр Гавейн.

О ПЕЧАЛИ, КОТОРОЙ ПРЕДАВАЛСЯ КОРОЛЬ АРТУР ИЗ-ЗА ЭТОЙ ВОЙНЫ, И О ВТОРОМ ПОЕДИНКЕ, В КОТОРОМ СЭР ГАВЕЙН ОПЯТЬ ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ

— Увы мне, — сказала королева, — зачем только началась эта несчастная война! Сэр Ланселот постоянно и повсеместно щадит меня и избегает боя со мною и со всеми моими соратниками, и это все видел нынче, когда он столь благородно поступил с племянником моим сэром Гавейном.

И заболел Артур от горя, что сэра Гавейна столь жестоко изранил и что между ним и сэром Ланселотом идет война. И долго еще после этого войско короля Артура продолжало осаждать город, но схваток у них почти не было, ибо осажденные сидели за стенами и только защищались, когда была нужда.

А сэра Гавейн пролежал в своих шатрах три недели больной и недужный в окружении лучших лекарей, каких только удалось смыскать. Но лишь только смог он ходить и ездить верхом, он тут же облачился в доспехи, сел на могучего скакуна, в руку взял тяжелое копье и подоскакал к главным воротам Бенвика. И крикнул он громким голосом так:

— Где ты, сэра Ланселот? Выходи, коварный и трусливый рыцарь-изменник! Это я, сэра Гавейн, готовый подкрепить с оружием в руках все мои против тебя обвинения!

Все эти речи слышал сэра Ланселот, и сказал он так:

— Сэр Гавейн, я слышу ваши грубые речи и сожалею, что вы никак не уго-

монитесь. Ведь вам ведомо отлично, сэра Гавейн, что я знаю вашу силу и ваше искусство и что большого вреда вы мне нанести не сможете.

— Спускайся сюда, рыцарь-предатель, — отвечал он, — и подтверди правоту твою с оружием в руках! В прошлый раз мне не повезло, и я пострадал от твоей руки, но знай, я прибыл сегодня расплатиться с тобою, ибо я повергну тебя, как ты поверг меня!

— Иисусе меня упаси, — отвечал сэра Ланселот, — оказаться в вашей власти, как вы в тот раз оказались в моей, ибо тогда мне пришел бы конец. Но, Гавейн, — молила сэра Ланселот, — не думай, что я стану долго медлить, и раз уж ты столь несправедливо обвиняешь меня в предательстве, ты сейчас получишь, чего добиваешься, и будет тебе со мною дела по горло.

И сэра Ланселот облачился во все доспехи, сел на коня, взял в руку большое копье и выехал из ворот. Собрались и оба войска, и осаждавшие, и осажденные, и стояли грозным строем, и было им приказано не двигаться и следить за поединком этих двух благородных рыцарей.

Вот уперли они копья в свои седельные упоры, ринулись друг на друга и спшиблись, точно гром грянул. У сэра Гавейна копье сломалось по рукоятке на сотню кусков, сэра же Ланселот ударил его сильнее, так что конь под сэром Гавейном копытами вскинул, и рухнул конь и всадник наземь. Тогда сэра Гавейн высвободил проворно ноги из стремени, загордился щитом, выхватила яростно меч из ножен и крикнул сэру Ланселоту:

— Слезай с коня, рыцарь-изменник! Ибо если сын кобылы и отказался мне служить, знай, что сын короля и королевы попрещему к твоим услугам! Тогда спешился и сэра Ланселот, загордился щитом, обнажил меч, и сошлись они яростно и осыпав друг друга жестокими ударами, так что люди с обеих сторон только диву давались.

Но когда сэра Ланселот почувствовал, что сила сэра Гавейна чудесно возрастает, он умерил свою храбрость и стал сберегать свои силы и дыхание, оборонялся мечом и укрывался за щитом: он наклонился и уклонился туда и сюда, отбивая удары сэра Гавейна и умеряя его напор. А сэра Гавейн напрягал всю мощь и силу, чтобы зарубить сэра Ланселота, ибо, как рассказывает Французская Книга, вместе с мощью возрастала у сэра Гавейна его злоба.

Так три часа наседал он на сэра Ланселота, приняв ему жестокие страдания, и тому великих трудов стоило от него обороняться. Но когда минували те три часа и сэра Ланселот почувствовал, что сэра Гавейн вновь остался при своей собственной силе, тогда сказал он так:

— Сэр, вот уже дважды вы доказали мне, что вы грозный рыцарь и муж дивной мощи. И много чудесных подвигов вы свершили за жизнь свою, ибо вы один благородный рыцарь был обманут вашей волшебной возрастающей силою. Но теперь, сдастся мне, вы уже свершили все ваши чудесные подвиги, и знайте, теперь настал мой черед свершать подвиги!

И сэра Ланселот приблизился к сэру Гавейну и удвоил свои удары, и как ни оборонялся сэра Гавейн, все же сэра Ланселот успел нанести ему такой удар по шлему и по старой ране, что сэра Гавейн поник, упал наземь и лишился чувств. Но лишь только пришел он в себя, как стал лежать размахивать мечом и метить в сэра Ланселота, говоря так:

— Рыцарь-предатель, знай, я еще не убит! И потому приблизаясь, и мы доведем этот бой до конца!

— Я не сделаю более ни шагу, — отвечал сэр Ланселот. — Ибо когда я вижу вас на ногах, я готов с вами биться все время, пока вы стоите на ногах; но поразить раненого человека, который не в силах стоять, — опасен меня бог от такого позора!

И с тем повернулся он и направился к городу, а сэр Гавейн кричал ему вслед: «Предатель!» — и говорила так:

— Знай, сэр Ланселот, когда я вновь оправлюсь от ран, я опять буду биться с тобою, ибо я не отступлюсь до тех пор, пока один из нас не будет убит!

И так вновь продолжалась эта осада, и сэр Гавейн пролежал больной без малого месяц, а когда он поправился и был уже готов через три дня снова эстять бой с саром Ланселотом, прибыли вдруг к королю Артуру из Англии вести, которые заставили его со всем войском двинуться в обратный путь.

XXI

КАК СЭР МОРДРЕД НАГЛО ЗАДУМАЛ
СТАТЬ КОРОЛЕМ АНГЛИИ И ПОЖЕЛАЛ
ЖЕНИТЬСЯ НА КОРОЛЕВЕ, СУПРУТЕ ОТЦА
СВОЕГО

Chapter
I.

ОСТАВШИСЬ правителем всей Англии, сэр Мордред повелев составить письма, которые пришла словно бы из-за моря, а в письмах тех значилось, что король Артур убит в бою с саром Ланселотом. И тогда сэр Мордред назначил парламент и созвал баронов и принудил их провозгласить его королем. И был он коронован королем в Кентерберии и устроил там пир на пятнадцать дней.

А после прибыл он в Винчестер, захватив королеву Гвиневру и открыто объявил, что намерен на ней жениться (а она была женой его дяди и его отца).

Стали готовиться к празднеству, и назначен уже был день, когда должны были они повенчаться; и тяжело было на душе у королевы Гвиневры. Но печаль свою она открыть не осмелилась, говорила речи любезные и согласилась поступить по желанию сэра Мордреда.

И для того испросила она у сэра Мордреда позволения отправиться в Лондон и закупить там всякой всячины, потребной к свадьбе¹¹. Сэр же Мордред из-за речей ее любезных ей поверил и ее отпустил. А она,

лишь только прибыв в Лондон, удивляясь в Лондонский Тауэр¹¹ и, со своей поспешностью запасшись всевозможным провиантом, засела там с надежным гарнизоном.

Когда узнала об этом сэр Мордред, жестока и безмерна была его ярость. И говоря коротко, он обложила Тауэр могучей ратью, то и дело пускаясь на штурмы, наставляла стенобитные машины и пала из тяжелых пушек. Но все было напрасно, ибо королеву Гвиневру ни добром, ни угрозами не удавалось склонить довериться сэр Мордреду и вновь отдаться ему в руки.

И прибыл к сэр Мордреду епископ Кентерберийский, муж ученый и святой, и сказал ему так:

— Сэр, что задумали вы? Или вы хотите оскорбить господа бога, а затем еще опозорить себя и все рыцарство? Ибо разве король Артур вам не дядя родной, и не далее как брат вашей матери? И разве не от него же она и родила вас, его родная сестра? И потому как можно вам взять себе жену вашего собственного отца? Потому, сэр,— сказал епископ,— оставьте этот замесел, а иначе я проклаю вас книгой, колоколом и свечой¹².

— Делай, что хочешь,— отвечал ему сэр Мордред.— Я же знаю тебя не желаю!

— Сэр,— сказала епископ,— да будет вам ведомо, что я не побоюсь исполнить мой долг. К тому же, вы пустили слух, будто господин мой Артур убит, а это ложь, и потому черное дело затеяли вы на этой земле!

— Молчать, живой поп! — вскричала сэр Мордред.— Если ты еще будешь меня попрекать, я отсеку тебе голову!

Епископ удалился и предал его самому грозному проклятию, какое только можно произнести. Тогда сэр Мордред решил разыскать епископа Кентерберийского и предать его смерти. Пришлось епископу бежать, захватив с собою часть своего добра, и скрылся он в окрестностях Гластонбери¹³. Там жила он отшельником в часовне, пребывая в бедности и в святых молитвах, ибо он хорошо понимал, что близится особая война.

А сэр Мордред меж тем пытался письмами и посольствами, добром или хитростью выманить королеву из Лондонского Тауэра; но все его усилия были тщетны, ибо королева отвечала ему кратко и на открытые его послания и на тайные, что она охотнее убьет себя, чем станет его женой.

Но вот прибыло к сэр Мордреду известие, что король Артур снял осаду с сэра Ланселота и возвращается домой с большим войском, дабы отомстить сэр Мордреду. И тогда сэр Мордред расослал письма ко всему баронству нашей страны. Собралось к нему множество народу, ибо среди баронов общее было мнение, что при короле Артуре нет жизни, но лишь войн и усобиц, а при сэр Мордреду — веселье и благодать. Так был и сам король Артур подвергнут худе и поруганию, а между ними были многие, кого король Артур возвысил из ничтожества и наделал землями, но ни у кого не нашлось для него доброго слова.

О вы, мужи Англии! Разве не видите все вы, какое творилось злодейство? Ведь то была величайшая из королей и благороднейший рыцарь в мире, всего более любивший общество благородных рыцарей и всем им слава и опора, но даже и им не остался довольным англичане. Вот таков был прежде обычай и нрав в нашей стране, и люди говорят, что мы и по сей день не

отстают от этого обычая. Увы! это у нас англичан большой порок, что долго нам ничто не мило¹⁴.

Так было с людьми и в тот раз: им более по нраву стал теперь сэр Мордред, а не благородный король Артур, и много народу стеклось к сэр Мордреду, и они объявляли ему, что будут стоять за него и в беде и в удаче. И вот с большим войском сэр Мордред подошел к Дувру, ибо там, он слышал, должен был высадиться король Артур, и потому он задумал силой не допустить родного отца на родную землю. И почти вся Англия была на стороне сэра Мордред, ибо люди так падки до перемен.

КАК, УЗНАВ ОБ ЭТОМ, КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕРНУЛ ВОЙСКО И ПРИБЫЛ В ДУВР, ГДЕ СЭР МОРДРЕД ПОДЖИДАЛ ЕГО, ДАБЫ ПОМЕШАТЬ ВЫСАДКЕ, И О СМЕРТИ СЭРА ГАВЕИНА. И вот, когда сэр Мордред со своим войском был уже в Дувре, прибыла туда король Артур с большим флотом кораблей, галеонов и карак, но сэр Мордред уже наготове поджидал его на берегу, дабы воспрепятствовать родному отцу высадиться на земле, над которой тот был королем.

Стали спускаться на воду суда большие и малые, многие славышны воинов; и немало благородных рыцарей тут было побито, и немало высокомерных баронов повержено в ничтожество с обеих сторон.

Но король Артур был так храбр, что никто из рыцарей не смог помешать ему высадиться на берег, и его рыцари бесстрашно пробивались вслед за ним. Так высадился он вопреки сэр Мордреду со всем его могуществом и обратил в бегство его и его войско.

А когда окончился бой, король Артур повелел разыскать всех своих рыцарей, кто был ранен или убит. И был найден сэр Гавейн лежащим замертво на дне большой лодки. Когда услышав король Артур про такую беду, он пошел к нему и нашел его при смерти. Горько заплакал король, убивался жестоко, он заключил сэра Гавейна в свои объятия и трижды лишился чувств. А когда пришел в себя, то сказал так:

— Увы! сэр Гавейн, сын сестры моей, вот лежишь ты, кого я всех более на свете любил! Не выдать мне больше радости! Ибо теперь, пламяминок мой сэр Гавейн, я открыю тебе, что в тебе и в сэр Ланселоте была вся моя радость, на вас — все мое доверие. И теперь я лишился вас обоих, и потому не выдать мне уж больше радости на этом свете!

— Ах, мой дядя,— сказал сэр Гавейн,— знайте же, что наступил мой смертный срок. И все это через собственную мою нетерпимость и ненависть, ибо моею ненавистью я навлек на себя же погибель: ведь яичне я принял удар по старой моей ране, которую нанес мне сэр Ланселот, и чувствую я, что и

поудно должен буду умереть. Это из-за меня, из-за моей гордыни терпите вы такой позор и урон, ведь будь благородный рыцарь сэр Ланселот сейчас с вами, как бывал он прежде и был бы и в этот раз, эта злощастная война никогда бы не началась; ибо он рыцарским своим благородством вместе с рыцарями его благородной крови всех ваших злобных врагов держал в страхе и повинности. И вот теперь, — молвил сэр Гавейн, — вы пожалаете, что нет с вами сэра Ланселота. Увы! зачем я не примирился с ним! И потому прошу, любезный дядя, пусть мне дадут бумагу, перо и чернила, дабы я мог написать письмо сэру Ланселоту, начертанное моею собственной рукой.

И вот, когда принесли бумагу, перо и чернила, сэр Гавейн едва приподнялся на ложе с помощью короля Артура, ибо незадолго перед этим он уже покаялся в своих грехах и приготовился к смерти. И взял он в руку перо и, как сказано во Французской Книге, написал так:

«Тебе, сэр Ланселот, цвет благородного рыцарства, лучший изю всех, кого только видел я и о ком слышал за всю мою жизнь, я, сэр Гавейн, сын короля Лота Орнийского и сын сестры благородного короля Артура, шлю приветствие и оповещаю тебя о том, что десятого дня мая месяца мне был нанесен удар по старой ране, полученной мною от тебя под стенами города Бенника, и через эту рану настал теперь мой смертный час. И я хочу, чтобы весь мир узнал, что я, сэр Гавейн, рыцарь Круглого Стола, сам повинен в моей смерти и умираю не по твоей вине, но по моей. И потому я заклинаю тебя, сэр Ланселот, возвратиться в это королевство и посетить мою могилу и прочитать, быть может, молитву-другую за упокой моей души. Написано мною это послание в тот самый день, когда я был смертельно ранен, но рану эту еще прежде нанес мне ты, сэр Ланселот, и я не мог бы принять смерть от руки, благороднее той, что убивала меня.

Ты же, сэр Ланселот, ради прежней любви, что была некогда между нами, не межди, прошу тебя, но переезжай через море со всею возможной поспешностью, и твои благородные рыцари пусть придут с тобою, и спасите благородного короля, который посвятил когда-то тебя в рыцари, ибо ему угрожает жестокая опасность от коварного изменника — моего единоутробного брата сэра Мордредра. Ибо тот короновался здесь королем и задумал еще жениться на госпоже моей королеве Гвиневере; и так бы он и сделал, когда бы королева не засела в Лондонском Тауэре со своими людьми. А десятого дня минувшего месяца мая господин мой король Артур и мы все высиделись в Дувре и обратили этого коварного изменника сэра Мордредра в бегство. Вот тогда-то и пришлось мне получить удар по старой ране, нанесенной вами. А время написания этого письма — всего лишь за два с половиной часа до моей смерти. Писано моею собственной рукой и подписано кровью моего сердца. Прошу тебя, прославнейший рыцарь мира, посети мою могилу».

Тут он заплакал, и король Артур тоже, и они оба лишились чувств. А когда они пришли в себя, то король распорядился, чтобы дали сэру Гавейну последнее причастие, а потом сэр Гавейн стал просить короля послать за саром Ланселотом и принять его с лаской и почетом как ни одного из рыцарей.

А в час полудня сэр Гавейн испустил дух. И повелел король похоронить его в часовне в стенах Дуврского замка. Там и сейчас все люди могут видеть его череп, и видна та рана, что нанес ему в поединке сэр Ланселот. Искоре король узнал о том, что сэр Мордред опять расположил войска свои для боя на взгорье Вархем-лаун¹⁶. Ранним утром король Артур поспежал туда со своей ратью, и там был у них великий бой, и много людей было побито и с той, и с другой стороны. Но под конец войско короля Артура одержало верх, и сэр Мордред со своими людьми бежал в Кентербери.

КАК ПОЗДНЕЕ ДУХ СЭРА ГАВЕЙНА ЯВИЛСЯ КОРОЛЮ АРТУРУ И ПРЕДОСТЕРЕГ ЕГО ОТ СРАЖЕНИЯ В ТОТ ДЕНЬ ♣ А король распорядился обшарить холмы, разыскать всех убитых рыцарей и похоронить, а тем, кто ранен жестоко, намазать ран целительными слабодыями. В тот день многие перешли на сторону короля Артура, и говорили они, что война сэра Мордредра

против короля Артура — несправедливая война. А король со своим войском пошел на запад к морю, в сторону Солсбери. Там в назначенный между ними день король и сэр Мордред должны были встретиться на холме в окрестностях Солсбери, неподалеку от берега моря. А день, назначенный между ними, был понедельник после Троицына дня¹⁷, и король Артур радовался, что сможет отомстить сэру Мордреду.

Сэр Мордред собрал под Лондоном большое войско, ибо в Кенте, Сассексе и в Саррее, в Эссексе, Саффолке и Норфолке¹⁸ держала большей частью его сторону. Немало благородных рыцарей съехалося к нему, и к королю тоже; но получалось так, что те, кто любил сэра Ланселота, принимали сторону сэра Мордредра.

Но в ночь на Троицу привиделся королю Артуру дивный сон. Представилось ему во сне, будто стоит перед ним на возвышении кресло на одном колесе, а в кресле сидит сам он, король Артур, в богатейших золотых одеждах. А внизу, глубоко, будто бы чернеет под ним бездонный колодезь, и в воде кишат всевозможные змеи и черви и дикие твари, мерзкие и ужасные. И вот словно бы кресло перевернулось вверх колесом, и король упал в самую гущу гадов, и они стали раздирать его тело. И закричал король на ложе своем: «Спаситель! Спаситель!».

Тут рыцари, пажы и слуги разбудили короля, и он был так потрясен, что долго не понимал, где он находится. И пролежал он, бодрствуя, почти до света, а потом снова впал в дремоту, и не то во сне, не то наяву видит король: пришел к нему сэр Гавейн, и с ним — прекрасные дамы. Когда увидел его король, то сказал так:

— Я рад видеть вас, сны моей сестры, я ведь думал, что вы умерли! Но теперь я вижу, что вы живы, и за то благодарю всемогущего Иисуса. А кто же эти прекрасные дамы, любезный племянник, что вас сопровождают?

— Сэр, — отвечал сэр Гавейн, — это все дамы, за которых я сражался, когда был жив. Это те, за кого я заступался по справедливости, и господь даровал им милость в ответ на их молитвы, раз я был их заступником, сопровождаю вас сюда к вам. Господь дозволил мне предостеречь вас от поги-

бели: если завтра вы будете биться с сэром Мордредом, как между вами условлено, то знайте, вы будете убиты, и с вами — множество вашего народа с обеих сторон. И по великой милости и любви своей к вам и из сострадания к вам и еще многим добрым мужам, которым предостанет пасть мертвыми вместе с вами, господь послал меня сюда предостеречь вас, дабы вы ни в коем случае не затевали завтра боя, но заключили бы перемирие на целый месяц. И в переговорах не спешите, лишь бы получить завтра отсрочку. Ибо через месяц сюда придет сэр Ланселот со всеми своими доблестными рыцарями и спасет вас с честью и убьет сэра Мордреда и всех, кто стоит за него.

Тут сэр Гавейн и все дамы вдруг пропали, а король крикнул к себе своих рыцарей, пажей и слуг и повелел им поспешно призвать к нему его благородных баронов и мудрых епископов. И когда они собрались, король поведал им о своем видении, как с ним говорил сэр Гавейн и посоветовал ему воздержаться от завтрашнего сражения, ибо иначе он будет убит. И назначил король сэра Лукана-Дворецкого и брата его сэра Бедивера Бесстрашного и с ними двух епископов отправиться к сэру Мордреду и любым способом добиться перемирия сроком на один месяц.

— И не спешите, предлагайте ему земли и сокровища, сколько ни сочтете нужным.

С тем отбыли они и явились к сэру Мордреду туда, где он стоял с грозным войском в сто тысяч человек, и там они долго его убеждали и уговаривали. Наконец, сэр Мордред согласился, что пока жив король Артур, он будет владеть только Корнуэллом и Кентом, а после Артуровой смерти и всей Англией.

КАК ИЗ-ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ С ГАДЮКОЙ СРАЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ, В КАКОМ СРАЖЕНИИ СЭР МОРДРЕД БЫЛ УБИТ, А КОРОЛЬ АРТУР СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН. И на том они сговорились, что король Артур и сэр Мордред встретятся на глазах у обеих армий, каждый в сопровождении четырнадцати человек. С тем и возвратились они к королю Артуру.

И сказал он:

— Я доволен, что дело удалось.

И отправился на поле.

Но уходя, король Артур наказал своему войску, что если где-нибудь блеснет обнаженный меч, пусть нападают, не мешкая, и убьют этого предателя сэра Мордреда.

— Ибо я вовсе ему не доверяю.

Точно так же и сэр Мордред наказал своему войску:

— Если только заметите вы блеск меча обнаженного, нападайте, не мешкая, и рубите всех, кто будет перед вами, ибо я вовсе не доверяю этому перемирию.

Ибо я,— сказал сэр Мордред,— знаю наверное, что мой отец захочет мне отомстить.

И вот встретились они, как было условлено, и обо всем сговорились и согласились. Принесли вино, и они выпили друг с другом. Но в это самое время из кустика вереска выползла гадюка и ужалила одного из рыцарей в ногу. Почуввав боль, взглянул рыцарь вниз, увидел гадюку и, не чая зла, выхватил меч свой, чтобы ее убить. Но в тот же миг оба войска, заметив блеск обнаженного меча, затрубили в рога, трубы и горны и с грозными возгласами ринулись навстречу друг другу. Тогда вскочил король Артур на коня, молвил: «Увы, несчастный этот день!» — и поспежал к своим; и так же поступил и сэр Мордред.

С тех пор не видел свет ни в одной христианской земле битвы ужаснее, — развали пеще, кололи конные, носились войны по полю, и немало страшных слов было произнесено между врагами, и немало обрушено смертоносных ударов. Но король Артур скакал сквозь ряды Мордредова войска, свершал славные подвиги, какие подобают столь благородному королю, и не дрогнул ни разу. Также и сэр Мордред поступал в тот день по долгу чести, идя навстречу жестоким опасностям.

Так бились благородные рыцари целый день без передышки, покуда не ложились костями на сырую землю. И продолжалась битва до самой ночи, а к тому времени уже сто тысяч человек полегло мертвыми на холмах. И жестоко разгневался король Артур, видя, сколько народу его перебито.

Вот огляделся он вокруг себя и ото всего его славного войска и ото всех его добрых рыцарей лишь двух рыцарей увидел в живых: один был сэр Лукан-Дворецкий, а второй — брат его сэр Бедивер. Но и они оба были тяжело ранены.

— Инусе милостивый! — молвил король, — куда же делась все мои благородные рыцари? Увы! зачем дожня и я увидел этот горестный день! Ибо теперь, — сказал король Артур, — наступил мой конец. Но жалюсь, хотелось бы мне знать, — сказал он, — где сейчас этот предатель сэр Мордред, по чей вине случилась вся эта беда?

Тут король Артур оглянулся еще раз и увидел сэра Мордреда — он стоял, опираясь на меч свой, а вокруг него была большая гора мертвых тел.

— Дайте мне мое копье, — сказал король Артур сэру Лукану, — ибо вон там я вижу предателя, который навлек на нас все это горе.

— Сэр, оставьте его, — сказал сэр Лукан, — ибо он несчастен. И если только вы переживете этот злосчастный день, вы еще будете отомщены. Ибо вспомните, мой господин, сон, что приснился вам минушей ночью, вспомните, о чем предупреждал вас дух сэра Гавейна, и все же господь в милости своей сохранил вас от смерти. Потому, господа бога ради, оставьте это, ибо, благословенна богу, победа ныне осталась за вами, ведь нас с вами в живых здесь трое, тогда как у сэра Мордреда в живых нет больше никого. И потому если теперь вы прекратите бой, этот недобрый День Река с тем и минет.

— Нет, смерть ли, жизнь ли будет мне дальше уделом, — отвечал король, — но я вижу его там одного, и он не уйдет из моих рук! Ибо больше он мне быть может, уже никогда не попадет.

— Помоги вам бог! — сказал сэр Бедивер.

Вот взял король копье обеими руками и победил на сэра Мордред, крича так:

— А, предатель! Пришел твой смертный час!

Но сэр Мордред, увидя бегущего на него короля, устремился ему навстречу с обнаженным мечом в руке. Король Артур достал сэра Мордред из-под щита и пронзил его насквозь острием своего копья. Но почуввав смертельную рану, из последних сил рванулся сэр Мордред вперед, так что по самое колено рукоятки вошло в его тело копье короля Артура, и при этом, держа меч обеими руками, ударил он отца своего короля Артура сбоку по голове, и рассек меч преграду шлема и черепную кость. И тогда рухнул сэр Мордред наземь мертвым.

Но и благородный король Артур повалился без чувств на землю. И много раз он падал без чувств, а сэр Лукан с сэром Бедивером его поднимали, и так, потихоньку, из последних сил, довели они его до маленькой часовни у самого моря, и когда король очутился там, ему словно бы сразу полегчало. Брут слышал от крики на поле.

— Пойди, сэр Лукан, — сказал король, — и узнай мне, что означает этот крик на поле.

Сэр Лукан с ними простился, ибо был он тяжело ранен, и отправился на поле, и услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают, ради богатых доспехов и украшений.

Разглядев все это, поспешна сэр Лукан, как мог, к королю и поведал ему обо всем, что видел и слышал.

— И потому мой совет, — сказал сэр Лукан, — чтобы мы доставили вас в ближайший город.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОВЕДЕЛ ЗАБРОСИТЬ МЕЧ СВОЙ ЭКСКАЛИБУР В ВОДУ, И КАК КОРОЛЯ ЗАБРАЛИ ЖЕНЩИНЫ В БАРКЕ — И я бы этого хотел, — отвечал король, — но я не в силах держаться на ногах, так болит моя голова... Ах, сэр Ланселот! — сказал король. — Вот когда мне особенно тебя нехватает! Ибо пришла смерть моя, как предупредил меня во сне сэр Гайейн.

Тогда сэр Лукан поднял короля с одной стороны, а сэр Бедивер с другой, но когда они его подымали, король лишился чувств, и сэр Лукан, подымая короля, тоже упал без чувств, ибо внутренности выпали из его иссеченного тела, и тут сердце благородного рыцаря разорвалось. И когда король очнулся, то увидел, что сэр Лукан лежит

с пеною у рта, а под ногами у него — его вывалившиеся внутренности. — Увы, — сказала король, — вот для меня прегорестное зрелище — видеть этого благородного герцога умершим за меня. Ибо он хотел помочь мне, хотя сам еще более моего нуждался в помощи! Увы, зачем не произнес он ни слова жалобы, зачем во что бы то ни стало решил помочь мне! Инсусе, помилуй его душу.

А сэр Бедивер стал оплакивать смерть брата.

— Оставь слезы и стенания, любезный рыцарь, — сказал ему король, — ведь ими ты мне не поможешь. Ибо знай, когда бы остался я жив, я бы сам, не переставая, оплакивал смерть сэра Лукана. Но время мое убегает быстро, — сказал король. — И потому, — сказал король Артур сэру Бедиверу, — возьми добрый меч мой Эскалибур и ступай с ним на берег, а когда придешь туда, ведай тебе, брось меч в воду и возвратись ко мне рассказав, что ты там увидишь.

— Мой господин, — отвечал сэр Бедивер, — ваше повеление будет исполнено, и я сразу же ворочусь к вам с известием.

И отправился сэр Бедивер на берег. А по пути рассмотрел он благородный меч, увидел, что рукоять с перекладиной вся усажена драгоценными камнями. И тогда сказал он себе: «Если я заброшу этот богатый меч в воду, от того никакого не будет добра, но лишь урон и ущерб». И потому Бедивер спрятал Эскалибур под корнями дерева, а сам поспешна воротиться к королю и сказал, что будто бы дошел до берега и зашвырнул меч в воду.

— Что же ты там видел? — спросил король.

— Сэр, — он отвечал, — я не видел ничего, но лишь волны и ветер.

— Неправду ты говоришь, — сказал король. — А потому отправляйся туда скорее снова и выполни мое повеление. Как мила ты мне и дорог, прошу тебя, не жалея, забрось его в воду.

И пошел сэр Бедивер назад, и вынул меч, и взял его в руку, и снова подумало ему, что грех и позор бросать такой добрый меч. И тогда он опять спрятал его и воротился назад и опять сказал королю, будто бы был у моря и исполнил его повеление.

— Что же ты там видел? — спросил король.

— Сэр, — он отвечал, — я не видел ничего, но лишь колымажные воли и песок прибой.

— А, обманщик и предатель своего короля! — воскликнул король Артур. — Дважды ты меня предад. Кто бы подумал, что ты, кто мне так мила и дорог, кто прославлен как столь доблестный рыцарь, предашь меня ради драгоценностей этого меча! Смотри же, отправляйся снова, да поспеша, промедление твое грозит мне гибелью, ибо холод охватила мое тело. И если ты и на этот раз не сделаешь, как я тебе сказал, я убью тебя моими руками, как только увижу, ибо ты ради моего драгоценного меча обрекаешь меня смерти.

И снова ушел сэр Бедивер, пришел туда, где лежал меч, вытащил его поспешно и принес на берег. И там наматол он перевязь на рукоять и зашвырнул меч в воду как только смог далеко. В тот же миг поднялась из воли река, поймала меч, жала пальцами, трижды им потрясла и взмакнула и исцекла вместе с мечом под водою.

Возвратился сэр Бедивер к королю и рассказал ему о том, что видел.

— Увы,— сказал король,— помоги мне выбраться отсюда, ибо боюсь, я уже и так пробыл здесь слишком долго.

Тут сэр Бедивер поднял короля к себе на спину и вышел с ним на берег. Подошел он к воде и увидел под самым берегом маленькую барку, а на ней много прекрасных дам и среди них — королева, и у всех у них головы покрыты были черными капюшонами. И при виде короля Артура они стали плакать и стнать.

— Отнеси меня на эту барку,— сказал король.

Он так и сделал, отнес его осторожно, и принял у него короля три женщины в глубокой печали. Они сели все рядом, и на колени одной из них положил король Артур голову.

И молвила королева:

— Милый брат мой! Почему так долго ты медлил вдали от меня? Увы! рана у тебя на голове чересчур остудилась!

И стали они грести прочь от берега и увидел сэр Бедивер, что они уплывают. Тогда вскричал он:

— О, господин мой Артур, что же будет теперь со мною, когда ты покидаешь меня здесь среди моих врагов?

— Не убайся понапрасну,— отвечал король,— и позаботься о себе сам, ибо на меня теперь тебе не в чем полагаться и надеяться. Я должен поспешать в долину Авалона, дабы залечить там мою жестокою рану. И если ты никогда более обо мне не услышишь, то молись за мою душу!

Он говорил, а королева и все дамы так плакали и стнали, что прегорестно было слышать. Вот скрылась барка из глаз сэра Бедивера, и тогда он заплакал, зарыдал и вошел в лес и шел по лесу целую ночь. А поутру он увидел меж двух крутых лесистых бугров дом отшельника с часовой.

КАК СЭР БЕДИВЕР НАШЕЛ ЕГО НАУТРО МЕРТВЫМ В ОТШЕЛЬНИЧЬЕЙ ОБИТЕЛИ, И КАК ОН ОСТАЛСЯ У ОТШЕЛЬНИКА

Обрадовался сэр Бедивер и поспешал туда, но когда он вошел в часовню, то увидел там отшельника, простертого ниц подле свежего надгробного камня. Отшельник же, поднявши голову, сразу же признал сэра Бедивера, ибо прежде он был епископ Кентерберийский, незадолго перед тем изгнанный срам Мордредом.

— Сэр,— сказал ему сэр Бедивер,— что за человек погребен здесь, за которого вы молитесь так горячо?

— Любезный сын мой,— отвечал отшельник,— верно я этого не знаю, а только догадываюсь. Ибо в минувшей ночью, ровно в полночь, сюда явилась многа дам, и они принесли с собою мертвое тело и просили, чтобы и похоронил его здесь. И они поставили по нем сто больших свечей и пожертвовали тысячу безантов.

— Увы! — воскликнула сэр Бедивер,— тот, кто лежит погребенный в этой часовне, был прежде господином моим королем Артуром!

И сэр Бедивер упал без чувств, а когда пришел в себя, то просил у отшельника позволения остаться с ним и жить в поспе и молитве.

— Ибо отсюда мне некуда идти,— сказал сэр Бедивер,— и здесь я желаю бы остаться навсегда и молиться за господина моего Артура.

— Сэр, я рад принять вас,— отвечал отшельник,— ибо я знаю вас лучше, чем вы полагаете: вы — сэр Бедивер Бесстрашный, и благороднейший герцог сэр Лукан-Дворецкий был вам родным братом.

Тут рассказал сэр Бедивер отшельнику все, что вы уже слышали, и так поселился он у отшельника, прежде бывшего епископом Кентерберийским. Он облачился в бедные одежды и служил ему смиренно в поспе и молитвах.

И более про Артура я ничего не нахожу в моих верных книгах и про смерть его я тоже больше ничего надежного и достоверного не слышал, кроме лишь того, что на корабле, его увезшем, были три королевы: одна была сестра короля Артура королева Фея Моргана, другая — королева Северного Уэльса, а третья — королева Опустошенных Земель¹⁹.

(И еще там была дама Нинева, главная Владычица Озера, которая была женой доброго рыцаря сэра Пелеса; она немало сделала когда-то для короля Артура. А сэра Пелеса не допускала дама Нинева в такие места, где жизни его могла грозить опасность, и оттого он прожил с нею в мире и покое до конца дней своих.)

А больше о смерти короля Артура я не смог найти ничего, говорят лишь, что эти дамы принесли его в часовню и там его похоронили, как о том свидетельствует отшельник, бывший некогда епископом Кентерберийским. Но наверное отшельник не знал, точно ли это было тело короля Артура. Для того-то сэр Бедивер, рыцарь Круглого Стола, и позаботился записать все как было на самом деле.

О МНЕНИИ ИНЫХ ЛЮДЕЙ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ КОРОЛЯ АРТУРА, И КАК КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА СТАЛА МОНАХИНЕЙ В ЭМСБЕРИ

Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и говорят, что он еще вернется и завоеует Святой Крест²⁰. Я, однако, не стану утверждать, что так будет, вернее скажу: в этом мире он расстался с жизнью. Но многие рассказывают, будто на его могиле написано так: «Hic jacet Arthurus rex quondam rexque futurus»²¹.

И на том оставяю я сэра Бедивера у отшельника, который обитал при часовне в окрестностях Гластонбери, и там был его дом. И жил он там в молитвах и постах и в великом воздержании.

А королева Гвиневера, узнав о смерти короля Артура и всех благородных

* Здесь лежит Артур, король в прошлом и король в будущем (лат.).

рыцарей, и сара Мордред, и всех остальных, тайком покинула двор и с пятью дамами пришла в Эмсбери²². Там она постриглась в монахини, носила белые одежды и черные и пришла суровейшее покаяние, какое когда-либо принимала грешница в нашей стране. Никто не мог ее расселить, и она жила в неизменных постах, молитвах и делах благотворительных, и все люди только дивились тому, сколь праведно она переменилась.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, УЗНАВ О СМЕРТИ КОРОЛЯ АРТУРА И СЭРА ГАВЕЙНА И ОБ ОСТАЛЬНЫХ ДЕЛАХ, ПРИБЫЛА В АНГЛИЮ ✪ А теперь мы оставим королеву в Эмсбери монахиней в белых одеждах и черных — а она там, как и должно по разуму, была аббатиссой и правительницей — и от нее обратимся к сэру Ланселоту Озерному, который, услышавши в своих владениях о том, что сэр Мордред короновался в Англии королем и пошел войной на короля Артура, своего родного отца, и задумал помешать ему высадиться на родную землю (и еще ему рассказали, как сэр Мордред осаждал Лондонский Тауэр, оттого что королева не пожелала стать его женой), разгневался тогда сэр Ланселот прежде всего и сказал своим родичам так:

— Увы! Этот дважды предатель сэр Мордред! Я раскаяюсь, что отпустил его живым из моих рук, ибо великий позор причинил он господину моему Артуру. По этому горестному письму, что прислал ко мне сэр Гавейн, — да помилует Иисус его душу — чувствую я, что господину моему Артуру сейчас придется тяжело. Увы, — сказал сэр Ланселот, — зачем дождался я до этого дня, когда и слышу, что этот благороднейший из королей, посвятивший некогда меня в рыцари, в своем собственном королевстве оборотился от своего же подданного! А это горестное письмо, что господин мой сэр Гавейн, отправил ко мне перед смертью, прося, чтобы я посетил его могилу, — знаете, что его горестные слова никогда не уйдут из моего сердца. Ибо он был благороднейшим из рыцарей и мире! В недобрый час я родился на свет, раз мне выпала злосчастная доля убить сэра Гавейна, сэра Гагериса, доброго рыцаря, и друга моего сэра Гарета, благороднейшего из рыцарей. Увы, я могу сказать, что и несчастный рыцарь, раз мне досталось в удел все это. И однако же, увы! этого предателя сэра Мордреда мне убить не пришлось!

— Оставьте ваши жалобы, — отвечал ему сэр Борс, — и прежде всего отомстите за смерть сэра Гавейна, помилуй Иисус его душу. Будет хорошо, если вы и в самом деле поспешите посетить его могилу. А вслед за этим и отомстите за короля Артура и за госпожу мою королеву Гвинев

— Благодарю, — сказал сэр Ланселот. — Вы всегда печетесь о моей чести.

И они собрались со всей возможной поспешностью, снарядили корабли и галеры и погрузились на них со всем войском, чтобы плыть в Англию. И вот, наконец, достигли они Дувра, и высадился там сэр Ланселот с семью королями, а их войско было столь велико числом, что страшно было смотреть.

Стал спрашивать сэр Ланселот у мужей Дувра, что случилось с королем Артуром. И поведали ему люди о том, что король убит, и сэр Мордред тоже, и с ними еще сто тысяч человек полегло мертвыми за один день. Рассказали ему и о том, как сначала сэр Мордред дал бой королю Артуру, когда он высаживался на английский берег, и как в том бою был убит сэр Гавейн.

— А на следующее утро сэр Мордред сражался с королем на холмах Бархэм-даун, и там король одержал над ним верх.

— Увы, — сказал сэр Ланселот, — вести, горестные этих, никогда еще не достигали моего сердца! А теперь, любезные сэры, — попросил сэр Ланселот, — покажите мне, где могила сэра Гавейна.

И проводили его в Дуврский замок и показали ему могилу. Преклонил сэр Ланселот колена на могиле и заплакал и горячо помолился за его душу. А вечером устроил сэр Ланселот людям угощение — всякий, кто ни ир-езжал, что из города, что из деревни, получал поровну мяса и рыбы, и вина, и яла, и кто ни подходил, каждого, мужчину и женщину, наделан деньгами по двенадцати пенсов. Сэр Ланселот своею собственной рукою одарил люд деньгами, стоя в траурных одеждах, и при этом он горько плакал и каждого просил молиться за душу сэра Гавейна. Наутро же собрался туда все прелаты и священники, каких только можно было сыскать в городе и в окрестностях, и отслужили по нем заупокойную мессу. После того первым делом приношение сэр Ланселот, и он пожертвовал сто фунтов, а за ним и все семеро королей, и каждый пожертвовал по сорок фунтов. И еще из тысячи рыцарей каждый пожертвовал по фунту. И приносил пожертвования с утра и до самой ночи.

Две ночи пролежал сэр Ланселот на могиле сэра Гавейна, горько плача и молясь. А на третий день сэр Ланселот созвал всех королей, герцогов и графов, и всех баронов, и всех своих благородных рыцарей и сказал им так:

— Любезные мои лорды, благодарю вас всех за то, что вы вместе со мною приехали в эту страну. Но знаете все вы, мы приехали слишком поздно, и об этом я буду сокрушаться до конца дней моих, однако против смерти не восстанеш. Но раз уж это так, — сказала сэр Ланселот, — я сам отправлюсь на поиски госпожи моей королевы Гвиневеры. Ибо, как я слышал, ей досталось немало страданий и мук, и говорит, она бежала на Запад. И потому вы увидите меня здесь, и если через две недели я не возвращусь, садитесь на корабли со своими дружинами и возвращайтесь на свою землю, а я как сказала, так и сделаю.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОТПРАВИЛСЯ НА ПОИСКИ КОРОЛЕВЫ ГВИНЕВЕРЫ, И КАК ОН НАШЕЛ ЕЕ В ЭМСБЕРИ ♣ Тут выступил сэр Борс и сказал:

— Господин мой сэр Ланселот, что это вы задумали поуститься в странствия по здешним краям? Ведь знаете, на пути вы встретите мало друзей. — Будь что будет, — отвечал сэр Ланселот, — а вы оставайтесь здесь, ибо я отправляюсь в путь, в котором ни рыцарь, ни паж не должен сопровождать меня.

Напрасно бы стали они с ним спорить — он сел на коня и уехал на закат. Дней семь или восемь провел он в поисках, но наконец, однажды выехал

он к монастырю, и королева Гвиневра, гуляя за стенами, вдруг узнала сара Ланселота. Тогда она трижды подряд упала в обморок, так что всем дамам и благородным девицам было немало заботы ее поддерживать с лежан. Когда же речь к ней вернулась, она призвала их всех к себе и сказала так:

— Вы верно удивляетесь, любезные дамы, тому, что со мною происходит. Правду вам сказать, — молвила королева, — всему виной вон тот рыцарь, который стоит вон там. И потому прошу вас, призовите его сюда ко мне. Привели к ней сара Ланселота; и тогда сказала королева всем дамам:

— Из-за этого рыцаря и из-за меня случилась вся эта ужасная война и погибли благороднейшие в мире рыцари; ибо из-за нашей любви, что мы любили друг друга, убил мой благороднейший супруг. И знай, сэр Ланселот, потому-то я и принимаю ныне столько трудов для спасения моей души. Но все же я уповаю, что через милость божию и через Страсти Его ран разверстых, я после смерти смогу узреть благословенный лик Иисусов и в День Страшного Суда буду сидеть одесную Его, ибо также же грешники, как и, теперь стали святыми в небесах. И потому, сэр Ланселот, я прошу тебя и умоляю всей душой, во имя всей нашей любви, никогда больше не ищи увидеть лицо мое. И веляю тебе именем господина бога, покинь меня навсегда. Возвращайся назад в твоё королевство и храни владения твои от войны и разорения, ибо как я любила тебя прежде всем сердцем, так теперь я не могу тебя видеть, ведь через тебя и меня погиб весь цвет рыцарства. Потому отправляйся ты в свое королевство, там возьми себе жену и живи с нею в радости и блаженстве. И прошу тебя от души, молись за меня предвечному господа, дабы мне простилась моя прежняя неправедная жизнь.

— Как, возлюбленная госпожа моя, — сказал сэр Ланселот, — неужели вы желаете, чтобы я вернулся в мою страну и там женился? Нет, госпожа, знайте, этого я никогда не сделаю, ибо я никогда не нарушу данной вам клятвы. Но доля, к которой я вас привел, станет и моей долей. Я заслужу милость божию и в особенности буду молиться за вас.

— Ах, сэр Ланселот, если бы вы так сделали и сдержали свое слово! Но вы, я не могу вам поверить. Вы опять обратитесь к мирской жизни.

— Хорошо, госпожа моя, — отвечал он, — говорите, как вам будет угодно, хотя никогда еще не бывало, чтобы я нарушил данное мною слово. Но боже меня упаси так покинуть мир, как это сделали вы! Ведь когда-то в поисках Святого Грааля я отрекся от суеты мирской, но мне воспретивала ваша любовь. А если бы в то время я это сделала всем сердцем, волею и помышлениями, то я превзошел бы всех рыцарей, взыскующих чашин Святого Грааля¹³, кроме лишь сина моего сара Галааха. И потому, госпожа, если вы обратитесь к святой жизни, то и я, во конечно, должен к ней обратиться. Ибо бог мне свидетель, в вас одной были все мои земные радости, и когда бы я не нашел вас столь переменившейся, я намерен был увести вас в мое королевство.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ВСТРЕТИЛ В ОДНОЙ ОБИТЕЛИ АРХИЕПИСКОПА КЕНТЕРБЕРРИЙСКОГО, И КАК ТОТ ОБЛАЧИЛ ЕГО В МОНАШЕСКУЮ РЯСУ ♣ Но поскольку теперь помыслы ваши устремлены к иному, я истинно объявляю вам, что отныне до конца дней моих буду жить в покаянии и молитвах, если только найду монаха-отшельника, серого или белого, который согласится меня принять. А потому, госпожа моя, прошу вас, поцелуйте меня сейчас в последний раз.

— Нет, — отвечала королева, — этого я не сделаю, и вы воздержитесь от подобных дел.

И они простились друг с другом; и не нашлось бы человека столь жестокосердного, чтобы не заплакал при виде их горя, ибо они стонали жалобно, словно прозненные козлем, и, раставаясь, много раз лишались чувств. Наконец дамы унесли королеву в ее покои.

А сэр Ланселот, очнувшись, вышел вон, сел на коня, и весь этот день и всю ночь он ехал по лесу, плача и не разбирая дорог. Наконец увидел он вдалг вперед жилище отшельника и часовню меж двух скал и услышал колокольчик, звонящий к обедне. Туда и направил он коня и, спешившись, привязал коня к оградке и выслушал обедню.

А служил ту обедню как раз епископ Кентерберрийский. Он и сэр Бедивер сразу узнали сара Ланселота, и когда служба была закончена, они с ним разговорились. Но когда сэр Бедивер поведал ему до конца свою историю, сердце сара Ланселота едва не разорвалось от горя, он широко раскинул руки и воскликнул:

— Увы! Можно ли довериться этому миру?

Потом преклонил сэр Ланселот одно колено и просил епископа исповедать его и отпустить его его грехи. И просил он епископа, чтобы он сделал его своим братом. Отвечал ему епископ: «Я готов, со всей моей охотою», — и он облачил сара Ланселота в монашескую рясу. И остался там Ланселот служить господа денно и нощно в постах и молитвах.

Великое же войско его пребывало в Дувре. Но потом сэр Лионель призвал к себе пятнадцать баронов и с ними отправился в Лондон на поиски сара Ланселота; и там был сэр Лионель убит и с ним — многие его бароны.

Тогда сэр Борс Ганский отправил великое войско в обратный путь, а сам сэр Борс, сэр Эктор Окраинный, сэр Бламур, сэр Блеоберис и еще многие из Ланселотова рода остались с намерением объехать всю Англию вдоль и поперек и разыскать сэра Ланселота.

И вот ехал сэр Борс, ехал, до тех пор пока, по воле случая, не выехал к той самой часовне, где находился сэр Ланселот. Самшит он, колокольчик звонит, возвещая начало обедни. Он спешился, вошел и прослушал обедню. Когда же служба кончилась, епископ, сэр Ланселот и сэр Бедивер приближились к сэру Борсу, а он, увидевши сэра Ланселота в подобном облачении, просил епископа, чтобы и ему можно было последовать его примеру. И вот его облачили в рясу, и он остался жить там в посте и молитвах. А не прошло и полугода, как туда заехали сэр Галихуд, сэр Галихотин, сэр Бламур, сэр Блеоберис, сэр Вуаар, сэр Кларус и сэр Галлантин. Эти семеро благородных рыцарей остановились там, и когда они увидели, что сэр Ланселот обратился к святой жизни, то не пожелали ехать дальше и также облачились в монашеские рясы. Так прожил они в суровом покаянии шесть лет. После этого сэр Ланселот принял от епископа священнический сан и целый год сам служил обедни. А все остальные рыцари, с ним бывшие, читали по книге, и прислуживали во время обедни, и звонили в колокола и смиренно все исполняли. А кони их разбегались²⁴, куда им вдумалось, ибо они теперь не заботились о достоянии земном: ибо когда они видели, каким тяготам подвергал себя в постах и молитвах сэр Ланселот, то уж не думали о том, какво приходилось им самим, ибо они видели, как благороднейший из рыцарей мира живет в столь суровом воздержании, что вовсе отошел и обессилел. Но вот однажды ночью было сэру Ланселоту божественное видение и повелело ему, во искупление его грехов, поспешить в Эмсбери: «А к тому времени, как ты туда прибудешь, ты найдешь королеву Гвиневру мертвой. И потому возьми с собой товарищей твоих и снаряди конную повозку, возьми в Эмсбери тело королевы, отвези и похорони ее подле ее супруги, благородного короля Артура».

Сбар.
г.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ С СЕМЬЮ ТОВАРИЩАМИ ОТПРАВИЛСЯ В ЭМСБЕРИ И ЗАСТАЛ ТАМ КОРОЛЕВУ УСОПШЕЮ. И КАК ОНИ ПРИВЕЗАЛИ ЕЕ В ГЛАСТОНБЕРИ ♣ И являлось это видение сэру Ланселоту трижды в одну ночь. И поднялся сэр Ланселот еще до света и повелел об этом отшельнику. — Надобно, — сказала отшельник, — чтобы вы поспешили в путь и не ослушались вашего видения.

И взял сэр Ланселот с собою семерых своих товарищей, и пешком они отправились из Гластонбери в Эмсбери, что находился оттуда немногим более чем в тридцати милях²⁵, но прибыли они туда лишь к исходу второго дня, ибо были самшиком слабы и обессилены для ходьбы.

Когда сэр Ланселот достиг ворот Эмсберийского монастыря, королева Гвиневра уже ровно полчаса как скончалась. И женщинам повелели сэру Ланселоту, что перед смертью королева сказала им о том, что сэр Ланселот уже целый год как стал священником. «И он придет сюда сразу же со всею возможной успешностью за моим телом и подле господина моего короля Артура от похоронит меня». И так королева сказала во всеуслышание: «Молю всемогущего господа, чтобы никогда мне более не узреть сэра Ланселота земными очами!»

Так молилась королева неотступно два последних дня до самой своей смерти. После этого увидел сэр Ланселот ее мертвый лик, но не заплакал, а лишь вздохнул. И отсузнил он сам по ней всю службу — и панихиду и заупокойную мессу поутру. И была снаряжена конная повозка, и тронулись они в путь: сто факелов полыхали вокруг тела королевы, и сэр Ланселот со своими восьмью товарищами окружал ее, распевая тропари и читая молитвы, и курлились над телом благоушные курляницы. Так пришли пешком сэр Ланселот и его товарищи из Эмсбери в Гластонбери, и когда они достигли часовни, то отсузнили там по королеве торжественную панихиду. А наутро сам отшельник, некогда бывший епископом Кентерберийским, пропел над нею заупокойную мессу, а потом стали подносить приношения, и первым жертвовал сэр Ланселот, а за ним и все его восемь спутников²⁶. После этого трижды с ног до головы обернули ее в Рениское воженое пологно²⁷, поместили в свинцовый ларь, а свинцовый ларь поставили в мраморный гроб. Когда же опустил ее в землю, сэр Ланселот упал без чувств и долго пролежал так, пока уда отшельник не приблизился, привел его в чувство и сказал так:

— Грех вам, ибо вы, так предаваясь горю, гневите господа.

— Истинно, — отвечал сэр Ланселот, — я уповая, что не прогневал господа, ибо Он знает: я убивался и убивался не о греховных радостях, но горю моему никогда не будет конца. Ибо когда я вспомню красоту ее и благородство ее и короля и когда я вижу теперь ее могилу рядом с его могилкой, то вонистину сердце мое отказывается служить моему отягченному печальями телу. И когда я вспоминаю, как по моей вине, из-за моей надменности и гордыни, они оба оказались повержены в ничтожество, кому нет и не было равных во всем христианском мире, то знайте, — молил сэр Ланселот, — эта память об их добrote и о моей неблагодарности проникает меня до самого сердца, и я не в силах этого вынести. Так говорится во Французской Книге.

Сбар.
гг.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СТАЛ ЧАХНУТЬ И ВСКОРЕ УМЕР. И ТЕЛО ЕГО БЫЛО ПЕРЕНЕСЕНО В ЗАМОК ВЕСЕЛОЙ СТРАЖИ, ГДЕ И ПРЕДАНО ЗЕМЛЕ ♣ С этого дня сэр Ланселот почти не принимал пищи и не пил, пока не умер, ибо он все больше слабел и чахнул, и жизнь в нем угасала. Но ни епископ и ни один из его товарищей не могли уговорить его есть, и пил он так мало, что на целый локоть стал ниже ростом и люди уже не узнавали его. И он неотступно, день и ночь, молился, лишь

изредка забываясь беспокойной дремотой. Все время лежал он, распростершись ниц, на могиле короля Артура и королевы Ганневеры, и как ни пытались его утешить епископ и сэр Борс и все его товарищи, их старания оставались безуспешны.

Шесть недель так прошло, и сэр Ланселот занемог и слег в постель. И тогда послал он за епископом, который там жил отшельником, и за всеми своими верными товарищами.

И так сказал сэр Ланселот унылым голосом:

— Сэр епископ, прошу вас, пусть будут исполнены надо мною последние обряды, как надлежит христианину.

— В том нет нужды, — отвечал епископ и все его товарищи, — это просто тяжесть в вашей крови. К завтрашнему утру, с божьей помощью, вы поправитесь.

— Любезные лорды, — сказал им сэр Ланселот, — знайте, что мое отягченное печалью тело стремится в землю. И мне было открыто больше, чем я сейчас вам говорю. А потому, пусть исполнят надо мною все обряды. И вот, когда он принял последнее причастие и соборование, то стал просить сэр Ланселот епископа, чтобы товарищи перенесли его тело в замок Веселой Стражи, про который некоторые говорят, что это Анвик, а иные — что Бамборо²⁸.

— Хоть мне и самому это горько, — говорил сэр Ланселот, — но я когда-то дал клятву, что меня похоронят в замке Веселой Стражи. И дабы не нарушить мне моей клятвы, прошу вас всех, отвезите меня туда.

Начали тут плакать его товарищи, ломая руки. А когда настала ночь, улеглись они все на свои ложа, ибо они все спали в одном покое. И вот, когда миновала полночь и близился уже рассвет, епископ-отшельник, спавший на своем ложе, вдруг громко рассмеялся. Пробудились все, сбегались к нему, стаи спрашивать, что с ним случилось.

— Иисусе милостивый! — отвечал епископ. — Зачем вы меня разбудили? Мне никогда еще в жизни не было так весело и приятно.

— Отчего? — спросил сэр Борс.

— Истинно, — отвечал епископ, — я видел рядом с собою сэра Ланселота в окружении ангелов, и было их такое множество, что я никогда столько и людей не видывал. Они подняли сэра Ланселота к небесам, и врата небес распахнулись перед ним.

— Все это лишь тревожные сны, — сказал сэр Борс, — ибо сэру Ланселоту, я уверен, сейчас стало уже совсем хорошо.

— Возможно, что и так, — сказал епископ. — Ступайте же к его ложу, и удостоверьтесь.

Но когда сэр Борс и его товарищи приблизились к ложу сэра Ланселота, они нашли его мертвым. Он лежал словно бы улюбався, а вокруг него разлился сладчайший аромат, какой только случалось им вдыхать. Тут они заплакали горько, ломая руки, и так по нем убивались, как никогда еще не убивались мужи.

А поутру епископ отслужил зауспокойную мессу, а потом епископ и все девять рыцарей уложили сэра Ланселота в ту же повозку, на которой везли к месту погребения королеву Ганневеру. И день за днем шло епископ

и все остальные за телом сэра Ланселота, пока не достигли они замка Веселой Стражи; и всю дорогу окружали их сто горящих факелов.

На пятнадцатый день прибыли они в замок Веселой Стражи. Положили его тело в алтаре и читали и пели над ним псалмы и молитвы. И все время лицо его было открыто, дабы все люди могли его видеть, ибо так был обычай в те времена, чтобы благородные мужи лежали с открытым лицом, пока их не похоронят.

И вдруг, как раз пока шла служба, явился туда сэр Эктор Окраниный, семь лет искавший по всей Англии, Шотландии и Уэльсу брата своего сэра Ланселота.

КАК СЭР ЭКТОР НАШЕЛ СЭРА ЛАНСЕЛОТА, СВОЕГО БРАТА, МЕРТВЫМ, И КАК ПОСЛЕ АРТУРА ЦАРСТВОВАЛ КОНСТАНТИН, И О КОНЦЕ ЭТОЙ КНИГИ ♠ Услышав он звуки молитв, увидел свет в алтаре церкви Веселой Стражи, спешился, отпустил коня и вошел в церковь. Видит он людей, плачущих и молящихся, но кто они, не узнает, хотя они узнали его сразу.

И тогда приблизился к сэру Эктору сэр Борс и сказал ему, что это брат его сэр Ланселот лежит здесь мертвым. Отбросил сэр Эктор щит свой, меч и шлем и при виде лица Ланселотова упал без чувств. Когда же он снова очнулся, то ни один язык не в силах передать те жалобные речи, какими он оплакивал своего брата.

— Ах, Ланселот! — говорил он, — ты был всему христианскому рыцарству головой! И скажу теперь, сэр Ланселот, когда лежишь ты здесь мертвым, что не было тебе равных среди рыцарей на всей земле. Ты был благороднейшим из рыцарей, когда-либо носивших щит! И был ты для любивших тебя самым верным другом, когда-либо сидевшим верхом на коне, и самым верным возлюбленным из всех грешных мужей, когда-либо любивших женщину, и самым добрым человеком, когда-либо поднимавшим меч. Ты был собой прекраснейшим из всех в среде рыцарей, и ты был кротчайшим и учтивейшим мужем, когда-либо садившимся за стол вместе с дамами, а для смертельного врага — суровейшим противником, когда-либо сжимавшим в руке копьё.

И поднялся тут великий плач и стон.

И пролежало тело сэра Ланселота на возвышении пятнадцать дней, а потом торжественно было предано земле. После того не спеша возвратились они с епископом Кентерберийским в его обитель и там провели все вместе больше месяца.

А потом сэр Константин, сын короля Корнуальского Кадора, был избран королем Англии, и был он благороднейший рыцарь и с честью правил своим королевством. И этот король Константин послал за епископом Кен-

терберийским, прослышав о том, где он скрывается. И получил он обратно свое епископство и покинул отшельническую обитель, но сэр Бедивер оставался там отшельником до конца дней своих.

А сэр Борс Ганский, сэр Эктор Окраинный, сэр Гахалантин, сэр Галихуд, сэр Галиходин, сэр Бламур, сэр Блеоберис, сэр Вилар Доблестный и сэр Кларус Клермонтский,— все эти рыцари возвратились в свои владения. Правда король Константин хотел, чтобы они жили у него, но они не согласились остаться в этом королевстве. Они уехали к себе, и жили каждый жизнью святой и праведной.

Правда иные английские книги утверждают, будто после смерти сэра Ланселота ни один из них не покинул пределов Англии²⁹,— но это все лишь измышления сочинителей! Ибо во Французской Книге говорится — и это достоверно,— что сэр Борс, сэр Эктор, сэр Бламур и сэр Блеоберис отправились в Святую Землю, где жил и принял смерть Иисус Христос. И после того, как они водворились в своих владениях — ибо в книге говорится, что так повелел им перед смертью сэр Ланселот,— эти четыре рыцаря многократно сражались против неверных турок. И умерли они в один год на Страстную Пятницу, во славу господина.

Здесь кончается вся книга о короле Артуре и о его благородных рыцарях Круглого Стола, которых, когда они собирались вместе, было всего числом сто сорок человек. И здесь кончается «Смерть Артура».

Я же прошу вас, всех джентльменов и дам, кто прочтет эту книгу об Артуре и о его рыцарях от начала и до конца, молитесь за меня, покуда я еще жив, дабы господь ниспослал мне освобождение. А когда я умру, то прошу вас, молитесь все за мою душу.

Книга эта окончена в девятый год правления короля Эдуарда Четвертого³⁰ сэром Томасом Мэлори, рыцарем, да поможет ему Иисус во всемогуществе своем, как есть он смиренный слуга Иисусов и денно и нощно³¹.